

УРОКИ
ДЗЭН
искусство
управления

І В Р А З И Я

ZEN LESSONS

THE ART
OF LEADERSHIP

Translated by
Thomas Cleary

SHAMBHALA
Boston & London
1989

УРОКИ ДЗЭН

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ

Перевод, составление и редакция
Томаса Клири

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург
2012

ББК 86.33
УДК 294.3
У 71

Издание осуществлено при участии

Центра

Уроки Дзэн. Искусство управления. Перевод с английского Котенко Р. В. — СПб.: Евразия, 2012. — 288 с.
ISBN 978-5-91852-041-3

В настоящем издании мы представляем перевод на русский язык антологии бесед чаньских наставников эпохи Сун (960–1279). В это время влияние чань на поэзию, живопись и каллиграфию достигает своего апогея, а эстетика, интеллектуальность и просто творческие личности из китайской элиты начинают стимулировать порывы своего вдохновения чаньской медитацией; практиковать ее даже модно. Именно об этой популярности чань при династии Сун, о его творческом потенциале свидетельствуют тексты, представленные в данной книге.

Публикуется по соглашению с SHAMBALA PUBLICATIONS, INC.
(Р. О. Box 308, Boston, MA 02115, USA) и Агентством Александра Корженевского (Россия)

- © Thomas Cleary, 1989
- © Котенко Р. В., пер. с англ., 1999
- © Лосев П. П., дизайн обложки, 2012
- © Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2012

ISBN 978-5-91852-041-3

Предисловие переводчика

«Уроки дзэн» — это собрание высказываний, отражающих политические, социальные и психологические стороны учения китайских последователей чань (дзэн), живших при династии Сун, которая правила в Китае в X–XIII вв. Если эпоху династии Тан (VII–IX вв.) можно назвать классическим периодом китайского чань-буддизма, то сунскую — чаньским барокко, ибо она характеризуется исключительным многообразием форм и изощренностью образов, помноженных на бесконечный ряд глубинных смыслов.

В отличие от достаточно незамысловатой и подчас прямолинейной чаньской литературы танской династии, сунские сочинения разноплановы и изысканны. Такой поворот не следует считать неким «развитием» чань-буддизма, скорее он явился ответом на усложнившиеся условия жизни, воздействовавшие как на общество в целом, так и на каждого индивида в отдельности. Чаньские наставники сунской династии отнюдь не воспринимали реалии как отличные по своей сути от классических времен, но они прекрасно понимали, что общественная роль чань при том давлении, которые оказывали на умы как другие течения мысли, так и бурное распространение «искусственного» чань-буддизма, строившегося на имитации некоторых чаньских практик, стала иной.

Расцвет псевдочаньских школ, как это ни странно, стимулировался тем огромным влиянием, которое на азиатскую цивилизацию оказывал подлинный чань-буддизм. Ведь уже после танской династии в китайской культуре едва ли удастся отыскать сколько-нибудь значительное явление, которое не несло бы на себе отпечатка чаньской харизмы.

На отрицательные последствия проникновения в общественные чаньские институты неискренних адептов указывали в своих сочинениях еще великие наставники конца Тан, но в предлагаемых вниманию читателя «Уроках» отмечаются проявления еще большего упадка «качественности» чаньских институтов и нравственности приверженцев учения при Сун, и это при том, что в сфере культуры чань пользовался авторитетом, практически не имевшим себе равных.

Есть даже основания полагать, что создание, с использованием чаньских методов, новых конфуцианских и даосских школ по сути вдохновлялось чаньскими наставниками, отдававшими себе отчет в том, что собственно буддийская чаньская община, слишком секуляризовавшись как в плане самого учения, так и в лице отдельных своих представителей, серьезно деградировала.

С точки зрения буддийской историографии, такой поворот вполне предсказуем: период подлинного учения постепенно сменяется подражательством, а со временем исчезает и оно. «Махапаринирвана-сутра», самое изучаемое среди дзэн-буддистов каноническое произведение, говорит об этом вполне определенно.

Предсказуемо и другое: ложные представления — существовавшие всегда, с тех самых пор, как чань приобрело артикулированную выраженность — о том, что «шокирующие моменты» проникают в чаньские центры не только извне, но и изнутри, и, в свою очередь,

порождают все новые и новые. Практически вся литература о чань-буддизме при всем своем поражающем воображение многообразии, имеет дело с неправильным пониманием подлинной природы чань/дзэн — якобы, он предельно прост по своей сути, хотя и сложен по функциям и проявлениям. Очевидная сложность чаньского учения обусловлена загадочностью самой человеческой ментальности, и чань-буддизму волей-неволей пришлось идти извилистой дорогой, с тем чтобы сплести воедино обрывчатые нити человеческого сознания.

Чань/дзэн, синтезировав изначально имевшуюся в буддизме ментальную технику, сыграл в истории Дальнего Востока роль поистине уникальную: он породил к жизни целые школы, религиозные и философские, литературу, искусства, музыку, социальные науки, школы психологии, психиатрии и физической подготовки.*

* На Дальнем Востоке существовало более десятка буддийских школ, непосредственно произошедших от дзэн-буддизма или в значительной степени находившихся под его влиянием, не менее трех философских направлений, несколько литературных жанров (включая народную литературу в целом), множество направлений визуального, декоративного искусства и архитектуры, музыкальные стили, традиционные и даже современные школы психологии и психиатрии, включая японское движение «изучения сознания», популярное в городах в XVIII в., и японское же течение «терапия Морита», распространившееся уже в XX столетии. Школы физического совершенства (боевых искусств) также обычно связывают с дзэн-буддизмом или, по крайней мере, признают оказанное на них дзэн-буддизмом воздействие. В некоторых дзэнских школах обучение боевым искусствам и поныне составляет важную часть подготовки. Нет нужды говорить, что любое дзэнское проявление имеет подлинную, подражательную и пережиточную формы. Великий японский наставник Мусо, живший вскоре после создания

Те, кто рассматривают чань исключительно в политическом аспекте, обычно упускают из виду внутреннее измерение внешней истории чань-буддизма, который сперва вдохнул жизнь в буддизм как таковой, а затем, в пору его «старения и упадка», возродил и другие направления философии. Тем не менее, последователи чань постоянно говорят именно об этом внутреннем измерении.

«Уроки дзэн» демонстрируют удивительное искусство синтеза высшей и повседневной истины, использования для достижения пробуждения как общества, так и личностные качества; и в основе всего этого лежат конструктивная критика и высокая образованность. Последнее вообще считалось одним из основополагающих элементов буддийского учения, но к тому времени, как адепты чань заново открыли и утвердили исконную внутреннюю свободу учения, оно, вследствие чрезмерной формализации, уже утратило первоначальную остроту.

Среди школ, возникших под влиянием чань-буддизма, можно назвать даже даосскую школу «совершенной истины» и конфуцианские «внутреннего образа». Благодаря применению дзэнской техники к даосским и конфуцианским каноническим сочинениям эти школы оказали на китайскую культуру такое же глубокое влияние, как и собственно чаньские.

Классическим периодом китайского чань-буддизма обычно признается танская эпоха, с VII по IX столетия. Первая крупная чаньская община возникла в середине VII века при четвертом чаньском патриархе. По преданию, бесчисленное множество людей «пробудилось» благодаря беседам шестого чаньского патриарха,

«Уроков дзэн», обсуждает все эти вопросы в своих «Беседах о снах».

основателя так называемой «южной традиции». Четвертого, пятого и шестого чаньских патриархов приглашали к императорскому двору, и многие их духовные последователи становились позднее наставниками тех, кто определял жизнь китайского общества на всех уровнях — от уездного до императорского.

В правление Тан чань-буддизм, наравне с ничтожными и безвестными представителями мира сего, изучали и самые влиятельные люди государства. Чань-буддизм произвел настоящую революцию в социальной практике и сохранил привнесенный им энергетический заряд на протяжении столетий, несмотря на все противодействия и искажения. Кроме того, он подарил одну из немногих в истории возможностей для беспристрастного социального и духовного понимания. Он также оказал влияние на поэзию и живопись — два главных китайских искусства, прерогативой которых традиционно являлось эмоциональное образование человека, а потому обладавших огромной общественной значимостью.

Как уже отмечалось, сунская эпоха характеризовалась сложностью и многообразием форм и функций своих замысловатых, оригинальных и подчас двусмысленных духовных течений. Сунский чань-буддизм продолжал укреплять свои позиции как в городе — посредством оказываемого на искусства и науки влияния, так и в бесчисленных деревнях — через многих и многих своих подвижников, путешествовавших и находивших прибежище даже в самых дальних уголках оставшейся в наследство от величественной Тан империи.

К концу танской династии буддизм в целом и чань в особенности достигли такого уровня развития, что в сунском Китае уже не осталось ни одного социального слоя или географического региона, не затронутого ими. Проблема, как и предсказывали буддийские тексты,

заклучалась в том, что успех духовной работы в конце концов неизменно привлекает «лишних» людей, или, точнее, множество людей с неправильными устремлениями. В последнем столетии правления Тан уже появились признаки утраты чаньскими институтами духовной строгости вследствие наплыва людей с ошибочными устремлениями, а в сунские времена наиболее влиятельные чаньские учителя уже просто били тревогу.*

* В речах Байчжан Хуайхая (Дачжи), чаньского наставника, жившего в конце VIII – начале IX столетий, чье имя связывается с созданием в Китае ранних чаньских общин, уже заметны довольно резкие суждения относительно именно институционального упадка как ядра той проблемы, о которой открыто говорят «Уроки дзэн». Кроме того, наставник указывал, что спонтанный авторитет следует отличать от авторитаризма? — а эта проблема как раз и встала во всей остроте в последующей истории. Знаменитые «Предостережения» преемника Байчжана Гуйшаня также весьма недвусмысленно свидетельствуют об упадке чаньских общин в IX столетии и объясняют его в первую очередь неискренностью, недостатком самодисциплины, невежеством и самодовольством духовенства. В «Десяти руководствах для чаньских школ», составленных столетие спустя Фаянем, отмечаются и другие проявления упадка: идолопоклонство, обман, «шизоидные» тенденции, голый интеллектуализм, завуалированный нигилизм, падение уровня образованности и безграмотность. В историческом смысле «Уроки дзэн» идут после «Десяти руководств» и дают в высшей степени подробный анализ человеческой психологии в ее реакции на объективное знание. Другие материалы, представляющие собой хронику упадка чань при сунской династии, равно как и усилия наставников по сохранению подлинного духа учения, можно найти в переводе Т. Клири писем Дахуэя/Мяоси «Цветы на болоте» и нашем переводе «Записей Голубой скалы» Юаньбу и «Книге безмятежности» Вансуна. Взгляд

Говоря простым буддийским языком, чаньские школы создавались для того, чтобы освободить людей от яда жадности, гнева и невежества, которые поражают в большей или меньшей степени как индивида, так и общество в целом, и не позволяют человечеству обрести полное практическое понимание своей подлинной судьбы.

Согласно чаньскому учению, если люди, облеченные властью, полагаются на чаньских адептов, причиной тому может быть как высокий авторитет, обретенный религией за многие столетия, так и бессознательный отклик на ощущаемые в присутствии чистого человеческого существа спокойствие и безмятежность. В любом случае, ложь тогда выступает наружу именно потому, что сказывается «эффект» истины.

Сложность данной ситуации заключалась в том, что последователи чань, как монахи, так и миряне, не имели объективных критериев оценки аутентичности учителей. В «Уроках дзэн» описаны некоторые методы, к которым прибегали наставники и просто приверженцы учения для того, чтобы сохранить те идеи, как организационного, так и психологического плана, которые могли обеспечить, при наличии соответствующих условий, адекватное восприятие чаньского мастерства и овладение им.

В абсолютном большинстве сочинений чаньского канона говорится именно о тех техниках, что были отточены и доведены до совершенства в период «барокко», и потому они в первую очередь дают методы определения неправильного понимания духа чань и человеческих

японского паломника, путешествовавшего по сунскому Китаю, на эту же проблему см. в нашем переводе «Сёбогэндзо дзуймонки» и «Сёбогэндзо» Догэна.

ценностей, а также анализируют главные противоречия человеческой мысли и поведения как в частной, так и в социальной жизни. Они подобны неким замкам, скрывающим обусловленную реальностью человеческую ментальность, и используются главным образом для того, чтобы вскрыть такие замки. Результат «вскрытия» обычно называется «просветлением», или «пробуждением», которое чань рассматривает как посвящение в высший познавательный опыт, доступный человеку.

Одной из главных бед распространения дающего подлинную свободу чаньского мастерства стала узурпация учения подражателями, не обладавшими глубинным пониманием человеческой психологии и не обретшими пробуждения. Фетишизм, сопровождавший как ритуал посвящения, так и деятельность учителей в чаньских общинах в целом, являлся, в глазах настоящих мастеров, лишь признаком вульгаризации и упрощения. Его, тем не менее, было достаточно для того, чтобы обманывать наивных конфуцианских сановников, которые, говоря словами одного позднесунского наставника, «любовались цветами и не собирали плодов».

По традиции, взаимоотношения между учителем и учеником в чань-буддизме окончательно оформлялись лишь после определенного периода «молчаливого» признания. Если будущий ученик был монахом, бездомным бродягой или студентом, обычно ученика «признавал» учитель; если же у будущего ученика был дом, семья, его связывали социальные узы, то учитель ждал «признания» ученика.

К началу сунской эпохи многие аспекты чаньской техники в значительной степени формализовались, ведь этого требовали толпы последователей, стекавшиеся к вратам знаменитых храмов. Возникла целая сеть общественных монастырей, находившихся

под контролем государства, куда в летние и зимние «семестры» приглашали учить известных чаньских наставников.

В первых чаньских общинах все должны были работать, а обязанности распределялись согласно способностям, по крайней мере, насколько о них могли судить наставники общины. В танской литературе немало историй о том, как какие-нибудь ученики в течение двадцати лет работали поварами или в больницах при общинах своих учителей, однако сунская эпоха стала, по-видимому, свидетельницей уже гораздо более интенсивной ротации внутри чаньских институтов.

В конце концов власти взяли в свои руки официальный контроль над назначениями в высшие эшелоны административного и учительского аппарата. Конечно, для императора, губернатора, военачальника, местных чиновников и вообще для всех облеченных правом выдвигать на монастырские должности, было обычным делом советоваться с общинами или наставниками, но тем не менее возможностей для злоупотреблений и обмана сохранялось немало.

Объективная критика, а в особенности самокритика, являются древней традицией буддизма. Не будет преувеличением сказать даже, что критический взгляд на вещи был одним из главных оснований деятельности первых буддийских школ. И одной из самых сильных сторон подлинного чань-буддизма стало то, что он упорно придерживался этой дающей подлинную свободу традиции. Данный метод, применяемый к социальному, политическому, психологическому и созерцательному опыту, позволил буддизму достичь глубокого понимания человеческой природы. В «Уроках дзэн» рассматриваются социальное, политическое и психологическое измерения этого понимания.

Значительная часть чаньской литературы сунского периода, по сути классической, представляет собой записи публичных бесед наставников, и потому глубинный смысл ее, вследствие сокровенно-таинственного характера чаньского опыта, в высшей степени завуалирован. Но «Уроки дзэн» стоят особняком. Будучи основанными преимущественно на частных беседах учителей, они предельно ясны и понятны.

Источники

По-китайски сочинение называется «Чаньлинь баосюнь», или «Чаньмэнь баосюнь» («Драгоценные уроки чаньских (дзэнских) школ»). Оно было составлено в начале XII столетия двумя выдающимися чаньскими наставниками — Мяоси (более известным как Дахуэй) и Чжуанем. В конце двенадцатого века чаньский учитель по имени Цзиншань дополнил это произведение. В такой форме оно и дошло до наших дней. В течение последующих пятисот лет в Китае появилось несколько комментариев к нему. В Японии оно впервые появилось в 1279 г., приблизительно через сто лет после окончательного оформления.

«Уроки дзэн» черпают вдохновение из учений великих наставников, живших в начале сунской династии, причем часто из весьма необычных источников, очень редких или же вообще ныне уже исчезнувших, да даже и в то время доступных лишь вхожим в монастыри. Некоторые фрагменты не помечены никаким письменным источником и, видимо, принадлежат кисти кого-либо из составителей и основаны на свидетельствах устной традиции. «Уроки дзэн», давая нам уникальную возможность соприкоснуться с личностями прославленных наставников, сохраняют специфически чаньский свод знаний, который в противном случае был бы навсегда потерян для потомков.

«Уроки дзэн» — это поистине бесценная часть огромного духовного богатства сунского чань-буддизма, существующего в письменном виде и поныне. Текст подтверждает, что чаньская литература была куда обширнее даже того массивного корпуса сочинений, что известен нам сегодня.

В «Уроках дзэн» цитируются разные антологии; за исключением пространных «Анналов Таньциня» большинство из них уже утрачено, а потому хотя бы отчасти познакомиться с ними мы можем только благодаря «Урокам». Иногда эти сочинения упоминаются под сокращенными названиями, иногда только под общими. Среди других источников — дневники, надписи и письма. В них приводятся малоизвестные подробности из жизни великих наставников, выбранные составителями по причине их предельной ясности и применимости к социальным вопросам.

УРОКИ ДЗЭН

Искусство управления

1. Просветленная добродетель

Минцзяо сказал:

Нет ничего более высокого, чем просветление, нет ничего более прекрасного, чем добродетель. Те, кто обладают просветленной добродетелью, обладают ей даже при том, что они — самые обычные люди; те же, кто не обладают просветленной добродетелью, лишены ее, даже если они правят государством.

В древности были люди, умирившие от голода, но ими не перестают восхищаться из-за их добродетели; были и те, кто управлял государством, но их не перестают презирать за отсутствие добродетели.

Поэтому ученики беспокоятся о том, что сердца их не проникнуты добродетелью, и не беспокоятся о том, что не занимают должности, дающей власть и силу.

Анналы Таньцинга

2. Учение и знание

Минцзяо сказал:

Дела святых и совершенномудрых невозможно постичь за один день. Если тебе не хватило дня, продолжай учиться и ночью; так, месяц за месяцем и год за годом собирай накопленные знания, и они естественным образом проявят себя. Поэтому сказано: «Собирай знание учением, а в познаваемое проникай сомнением».

Это означает, что учеба без распознавания и сомнения не приведет к открытию. Куда бы сегодня ни отправились ученики, им едва ли встретится тот, кто задает вопросы, для того чтобы распознать людей. Я не знаю, к чему они прибегнут, для того чтобы подняться еще на одну ступень в духовном совершенствовании и обрести благодать ежедневного обновления.

Анналы Цзюфэна

3. Большое и малое зло

Минцзяо сказал:

Что касается совершаемого людьми зла, то есть зло, обладающее формой, и есть зло, не обладающее формой. Бесформенное зло приносит вред людям, а имеющее форму — убивает людей. Зло, доставляющее людям несчастья, относительно мало, зло же, уничтожающее людей, велико.

Вот почему «и на званом пире есть яд, и в разговоре и смехе есть копье и шит, и в комнате таятся тигр и пантера, и на соседней улице прячутся варвары».

До тех пор, пока ты сам не станешь совершенномудрым и не уничтожишь их в зародыше, опираясь на правила должного, вред, приносимый ими, будет огромен.

Анналы Западного озера

4. Честность

Минцзяо поведал следующую историю:

Когда чаньский монах Дацзяо служил настоятелем в монастыре Ашоки, двое монахов затеяли спор из-за милостыни. Никто не мог помирить их. Управляющий монастыря ничего не мог с ними поделать, и тогда Дацзяо призвал их к себе и укорил такими словами:

«Однажды, когда Бао-гун занимал пост судьи в Кайфэне, один человек добровольно сообщил ему, что некто, доверивший ему хранение ста унций чистого золота, умер, а когда он попытался было вернуть золото семье покойного, то сын не взял его. Человек просил судью вызвать сына покойного и возвратить ему деньги.

Бао-гун нашел дело необычным, и вызвал сына для разговора. Сын отказался от денег и сказал: “Пока мой отец был жив, он никому не передавал тайно золота”.

Поскольку оба человека, и тот, кому было отдано золото, и сын покойного, твердо отказались от денег, Бао ничего не оставалось, как отдать их в городской монастырь, дабы монахи молитвами умилиствовали душу усопшего.

Я видел это своими собственными глазами. История эта подтверждает, что даже в миру встречаются люди, равнодушно вззирающие на богатство и ищущие должного. Как же вы, ученики

Будды, можете опускаться до такого бесстыдства?»

И Дацзяо изгнал их, в соответствии с уставом чаньской общины.

Анналы Западного озера

5. Сосуд пробуждения

Когда наставник Дацзяо в первый раз отправился на гору Лушань, чаньский учитель Юаньтун На, впервые увидевший его, обратился к нему как к подлинному сосуду пробуждения. Кто-то спросил Юаньтуна, как же он узнал Дацзяо.

Юаньтун ответил: «Этот человек придерживается пути середины, он беспристрастен и независим. Действует он или отдыхает, он всегда исполнен благородства и достоинства. Кроме того, его усилия в постижении Пути правильны, а слова, хоть и просты, но полны смысла. Если человек обладает такими достоинствами, то он редко не становится сосудом пробуждения».

Анналы Цзюфэна

6. Скромность

В 1134 г. император Китая Жэнь-цзун отправил к чаньскому наставнику Юаньтун На гонца с письмом, в котором просил его стать настоятелем большого монастыря Сяоцзы. Юаньтун, сославшись на болезнь, отказался от должности, но отправил письмо, в котором говорил, что пост настоятеля достоин занять Дацзяо.

Его спросили: «Император проявляет глубокое почтение к просветленной добродетели. Его благодеяния достигают всех окраин Поднебесной. Почему же вы так настойчиво отказываетесь?»

Юаньтун сказал: «Я недостоин монашества, мои зрение и слух не ясны. Я счастлив, когда отдыхаю в лесу, ем овощи и пью воду. Кое-чего не позволяли себе даже Будды, не говоря уже об остальных».

Один древний мудрец говорил: «С великой славой трудно прожить долго». Я довольствуюсь повседневной жизнью и не стремлюсь ни к славе, ни к приобретению чего-либо. Если сознание обеспокоено такими вещами, то разве когда-нибудь обретешь удовлетворение?»

Вот почему великий поэт Су Ши однажды сказал: «Если сохраняешь мир со всеми, будешь преуспевать; если тебе знакомо смирение, то ты поистине богат».

Избегание славы, совершенствование скромности и прямоты, добро от начала и до конца — все это воплотилось в Юаньтун На.

Биография

7. Правила

Юаньтун На сказал:

В давние времена чаньская община со своими правилами и уставом была создана для того, чтобы спасти всех, живущих на закате эпохи подобия, от мрака невежества. Основатель ее и представить себе не мог, что в конце эпохи ученики узурпируют правила и разрушат общину.

В глубокой древности все люди сдерживали себя, даже если они ютились в гнездах и пещерах; потом же все стали дерзкими, даже те, кто жил в просторных домах. Поэтому сказано: «Спокойствие или опасность зависят от добродетели; процветание или упадок зависят от времени».

Если можно применить добродетель, зачем нужен монастырь? Если можно положиться на время, какой толк в правилах?

Записи полей

8. Беспокойство и несчастье

Юаньтун сказал Дацзяо:

Мудрецы древности управляли своими сердцами еще до того, как проявлялись следствия, они сдерживали свои чувства еще до того, как разразится хаос. В целом, если готовиться заранее, то не окажешься в беде. Вот почему «чтобы совладать с разбойниками, тревогу бьют у внешних ворот», и все приготовления делаются загодя.

Если дело выполнено раньше срока, значит, оно было легким. Если же делаешь его поспешно и беззаботно, значит, оно трудное. Этим и объясняется, что мудрецы древности за всю свою жизнь ни разу не испытали беспокойства и ни дня не ведали, что такое несчастье.

Анналы Цзюэфэна

9. Стремительная птица

Юньцзи Шунь сказал Фушань Юаню:

Если хочешь узнать все, что только возможно, о высшем пробуждении, прежде всего сохраняй твердость духа, когда устанешь, и будь сильным и энергичным, когда состаришься. Не следуй низменному ради того, чтобы добиться славы и выгоды в ущерб высшей добродетели.

В яшме ценят чистоту блеска, так что ни красный, ни бордовый цвета не изменят ее сути. Сосна выстает самую холодную часть зимы, и ни мороз, ни снег не в состоянии иссушить ее. Поэтому, раз мы знаем, что в мире нет ничего более величественного, чем благопристойность и справедливость, важно лишь сохранять твердость.

Разве не следует закалять себя? Древний мудрец говорил: «Стремительная птица летит в одиночестве, у одиночки нет попутчиков». Так и должно быть.

Обширные записи

10. Труд и Путь

Фушань Юань сказал:

Древние искали учителей и выбирали себе друзей, и ни на минуту не позволяли себе ослабить рвение. Они не боялись никакой работы, вплоть до очистки зерен от шелухи и приготовления пищи, и занимались повседневными обязанностями. За годы собственного ученичества я в полной мере познал это.

Но как только появляется мысль о том, получу я выгоду или нет, как только начнешь гадать, приобретешь или потеряешь, колебаниям и уступкам не будет конца.

Если же человек не в состоянии быть честным и прямым, то как он может постигать Путь пробуждения?

Беседы слуги

11. Жара и холод

Фушань Юань сказал:

В мире, безусловно, есть вещи, которые растут медленно, но ничто не может жить, находясь один день в тепле, а десять — в холоде.

Высший Путь находится прямо перед глазами, так что в том, чтобы узреть его, нет ничего трудного, но необходимо сохранять твердость духа и настойчивость в практиковании.

Об этом следует помнить, чем бы ты ни занимался. Если будешь верить один день, а сомневаться — десять, если по утрам ты усерден, а по вечерам откладываешь дела на завтра, то трудно будет не только увидеть Путь прямо перед глазами, но и, боюсь, ты вообще повернешься к нему спиной до конца своих дней.

Письмо к старшему ученику

12. Спокойствие и опасность

Фушань Юань сказал:

Нет ничего более важного для руководства и обучения, чем умение различать, что следует взять, а что — оставить в стороне. Успех предпочтения и неpreferения идет изнутри, начала спокойствия и опасности определяются извне.

Спокойствие — это не спокойствие одного дня, опасность — это не опасность одной минуты. И спокойствие, и опасность есть следствия постепенного развития.

Надлежит исследовать дело руководства. Руководство посредством просветленных качеств накапливает просветленные качества, руководство посредством вежливости и справедливости накапливает вежливость и справедливость. Уничжающее руководство накапливает лишь возмущение и враждебность.

Когда зарождаются возмущение и враждебность, внутри и вовне царят отстраненность и склоки. Когда зарождаются вежливость и справедливость, внутри и вовне царят гармония и счастье. Когда накапливаются просветленные качества, внутри и вовне царят чуткость и уступчивость.

Поэтому там, где в избытке просветленных качеств, вежливости и справедливости, все внутри и вовне счастливы. Когда же уничтожение и возмущение достигают предела, все внутри и вовне

несчастны. Именно на чувства несчастья и счастья откликаются беда и благополучие.

Письмо наставнику Цзиньинь Таю

13.

Три главных принципа руководства

Наставник Фушань Юань сказал:

Есть три главных принципа руководства: гуманность, ясность и мужество.

Гуманное практикование добродетелей Пути усиливает воздействие обучения, успокаивает сердца высших и низших и восхищает проходящих мимо.

Обладающий ясностью следует должному поведению и долгу, различает безопасность и опасность, умеет оценивать людей и распознавать мудрых и недалеких, распознает правильное и неправильное.

Мужественные видят вещи до конца и без колебаний приводят их в порядок. Они свободны от неправильного и ложного.

Гуманность без ясности подобна тому, как если владеть полем и не пахать его. Ясность без мужества подобна тому, как если дождаться всходов, но не пропалывать их. Мужество без гуманности подобно умению жать без умения сеять.

Когда присутствуют все три принципа, община процветает. Когда отсутствует один из них, она приходит в упадок. Когда отсутствуют два принципа, община в большой опасности, а когда нет ни одного из трех, путь управления прерывается.

*Письмо наставнику
Цзиньинь Таю*

14.

Несовместимость

Фушань Юань сказал:

Мудрые и недалекие, добродетельные и порочные — все они подобны воде и огню, не помещенным в один сосуд, ведь холод и жара не могут существовать одновременно. Такова особенность их природы.

Добродетельные и мудрые чисты и возвышенны, честны и решительны. Они ставят перед собой цели, руководствуясь добродетелью, гуманностью и справедливостью. Когда они говорят или делают что-либо, их беспокоит только то, что их слова и дела могут не совпадать с настроениями людей или не проникать в глубокие принципы вещей.

Порочные вероломны и хитры, гордятся собой, шеголяют своими способностями, они предаются алчности, стремятся только к собственной выгоде и абсолютно беспечны.

Поэтому, если в духовной общине есть мудрые и достойные люди, то добродетели Пути практикуются, глубокие принципы установлены, и в конце концов здесь найдет прибежище истинное учение. Но дайте затесаться меж них одному недостойному, который начнет смущать сердца людей, и вот уже внутри и вовне беспокойство — и даже если изначально в общине царили правила чаньских общин, какой прок будет в них?

Превосходство и ничтожество мудрых и недалеких, добро и зло подобны этому же; как же мы можем не различать их?

Письмо наставника Хуэйли Фана

15.

Управление и община

Фушань Юань сказал:

Наставник, по долгу службы обязанный надзирать за другими, в отношениях с подчиненными должен быть скромным и почтительным. Должностные лица обязаны всем сердцем следовать пути управления. Если верхи и низы пребывают в гармонии, путь управления утвержден.

Если наставник высокомерен и надменен, а подчиненные ленивы и беспечны в своих делах, сердца верхов и низов не соединятся. И тогда путь управления окажется закрытым.

Когда древние святые служили учителями, они время от времени, во время отдыха, беседовали со своими учениками, затрагивая самые разные вопросы. С той поры в анналах остались записанными каждое слово, каждая даже короткая фраза, которые мы превозносим и поныне. Зачем это делается?

Во-первых, мы хотим, чтобы сердца высших соединялись с сердцами низших, дабы Путь прождения не оказался закрытым или прерванным.

Во-вторых, святые древности заранее предугадывали способности своих учеников и знали, годятся те или нет.

Когда святые выдвигались и когда они уходили — все это делалось в соответствии с надлежащим. Между высшими и низшими существовали

естественное уважение и гармония, так что люди из ближних и дальних мест с почтением приходили, дабы присоединиться к ним.

Только так и могли подняться чаньские общины.

Письмо наставнику Тоуцзы Ицину

16. Флигель, выкрашенный в ярко-красный цвет

Фушань Юань сказал Даоу Чжэню:

Те, кто еще не обретя Пути, выставляют напоказ свою ученость и бойко хвастаются глубоким пониманием, чтобы произвести впечатление, используя красноречие и хорошо поставленный язык, подобны флигелю, выкрашенному в ярко-красный цвет — он всего лишь сильно пахнет.

*Заново собранные записи
Западного озера*

17. Управляя сознанием

Наставник Юань сказал Уизу:

Сознание — это властелин тела, основа мириада дел; если сознание не просветлено, обязательно появятся заблуждения.

Когда возникают заблуждения, восприятие истины утрачивает ясность. Когда восприятие истины утрачивает ясность, правильное и неправильное перемешиваются.

Поэтому, управляя сознанием, следует искать полного пробуждения.

Когда пробуждение обретено, дух гармоничен, дыхание спокойно, внешность отмечена достоинством, а тело — твердо. Ошибочные представления и эмоции переплавляются в истинном сознании. Если будешь управлять своим сознанием таким образом, оно само собой станет безупречно чистым.

И тогда, если поведешь за собой тех, кто сбился с пути и потерял себя, как люди могут не последовать за тобой?

Подлинные записи Фушаня

18. Недоверие

Уцзу Фаянь сказал:

Если ныне постигающие Путь в монашеских общинах не становятся известными и не добиваются доверия людей, то это, как правило, происходит оттого, что поведение их недостаточно хорошо, а прилагаемые ими усилия не соответствуют тому, что нужно людям. Они могут быстро прославиться и обрести выгоду, а потом только и делать, что красоваться и пускать пыль в глаза. Вот почему те, кто знают, осуждают их.

Все это скрывает подлинный свет истины. Ведь даже если такие люди обладают буддийскими добродетелями, люди, видя и слыша их, им выкажут сомнение и недоверие. Если в один из дней обретешь крышу над головой, помни об этом, дабы трудиться не покладая рук.

Ответ Фоцзяня Тоуцзы

19. Прибежище покинувших мир

Уцзу сказал:

Когда учитель моего учителя впервые прибыл жить в Янци — место, которое он впоследствии прославил — в старом здании были сломаны балки, так что там едва ли можно было укрыться от ветра и дождя.

Надвигалась зима, и в один из дней мокрый снег усыпал скамьи так, что даже некуда было сесть. Монахи молили его о том, чтобы он позволил починить дом, но старый наставник отказал им, заявив:

«Будда говорил: “Во времена упадка даже высокие скалы и глубокие долины изменчивы и непостоянны — как же вы можете искать для себя удовлетворения и стремиться к исполнению собственных желаний?” Все вы покинули дом и мир для того, чтобы постигать Путь, но поведение ваше легкомысленно. Вам уже от сорока до пятидесяти — неужели у вас есть время для того, чтобы беспокоиться о хорошем доме?»

И он не уступил им. На следующий день он вышел в зал и сказал:

«В стенах моей комнаты шели, все скамьи усыпаны хлопьями снега. Втянув голову в плечи, я вздыхаю в темноте и возвращаюсь мыслями к древним, жившим под деревьями».

Обширные записи

20. Последователи чань

Уизу сказал:

Последователи чань стерегут цитадель разума и служат заповедям. Они размышляют об этом и практикуют день и ночь.

Поступки их не преступают размышлений, а размышления не преступают поступков; зная начало, они доводят его до конца.

Подобно пахарю, не выходящему за пределы поля, они редко переходят границы.

Записи о невозмутимости

21. Чаньские общины

Уизу сказал:

Чаньская община — это то место, где преобразуются и совершенномудрые, и обычные люди; это место, где пестуются и развиваются потенциальные способности. Хотя здесь собрано множество самых разных людей, все они обретают путь и становятся равными. Каждый получает учение от наставника.

Ныне во многих местах люди даже не пытаются придерживаться правил, установленных совершенномудрыми прошлого. Возникают пристрастные чувства любви и неприязни, и люди склоняют других к тому, что сами считают правильным. С кого же брать пример будущим ученикам?

Записи о невозмутимости

22.

Распознавать людей

Уизу сказал:

Для того, чтобы помогать другим и передавать учение, очень важно найти подходящих людей. Как правильно распознавать людей — это было не легким делом даже для совершенномудрых. Можно слушать то, что говорят люди, но это не значит, что поступки их будут такими же, как и слова. Можно наблюдать за их поступками, но тогда легко упустить из виду их способности.

Как можно распознать людей, не пообщавшись с ними, ведь только тогда получишь возможность как следует понять их, от глубин до мельчайших деталей, постичь их мысли и поступки, отметить их таланты и способности и, в конечном счете, увидеть, в состоянии ли они следовать пути и скрывать собственное «я»?

Что касается тех, кто продает свои имена и украшает свою внешность, то они — мошенники, и принимать их нельзя. Проникай в глубины, во все сокрытые тонкости.

Принцип вдумчивого поиска и внимательного вслушивания не воплотить за один день и одну ночь. Вот почему некоторые величайшие наставники древности проходили через десять, а то и пятнадцать лет ученичества. Трудно ожидать, что дело передачи учения может быть унаследовано и продолжено людьми недалекими. Ведь путь

к пробуждению может быть продолжен только при условии полного единения сознания и сознания.

Принцип вдумчивого поиска и внимательного вслушивания имеет очевидное подтверждение в опыте. В качестве основания для совершения выбора он не признает ни умных слов, ни внушительной внешности, ни слепой веры и лести.

Письмо Юанью

23. Добродетель и великодушие

Уизу сказал:

Сила образцового наставника заключается в великодушии и добродетели — нельзя пренебрегать ни тем, ни другим. Если великодушен, но лишен добродетели, люди не будут уважать тебя. Если обладаешь добродетелями, но лишен великодушия, люди не приблизятся к тебе.

Если тебе ведомо великодушие и вдобавок ты опираешься на добродетель, то тогда пресуществляемого великодушия будет достаточно для того, чтобы успокоить и высших, и низших, и привлечь людей со всех четырех сторон света.

Если руководишься достойными уважения добродетелями и вдобавок опираешься на великодушие, то тогда утвержденной добродетели будет достаточно для того, чтобы унаследовать дело совершенномудрых прошлого и вести за собой невежественных и обманутых.

Вот почему хороший наставник пестует добродетели, дабы практиковать великодушие, и сеет великодушие, дабы придерживаться добродетели. Если обладаешь добродетелями и можешь пестовать их, то никогда не окажешься в безвыходной ситуации; если обладаешь великодушием и способен осуществлять его, все будут благодарны тебе.

Таким образом, добродетель и великодушие дополняют друг друга, великодушие и добродетель активизируют друг друга. И тогда человека будут уважать, но при этом он останется доступным для людей. Кто же из ищущих Путь не придет к такому наставнику? Все это необходимо понять для того, чтобы передавать просветленные качества и поощрять образование.

Письмо Фояню

24. Совершенство в обоих мирах

Когда Уизу Фаянь перебрался из Хайхуэя в Дуншань, его бывшие ученики наставник Тайпин Фоцзянь и наставник Лунмэнь Фоянь отправились туда, чтобы выразить почтение своему учителю.

Уизу собрал старших и продвинувшихся на Пути монахов для вечерней беседы.

Уизу спросил Фоцзяня о климате в тех местах, где тот жил. Потом справился об урожае с монастырских земель, находившихся под управлением Фоцзяня. Поскольку Фоцзянь попросил немного времени для того, чтобы подсчитать количество собранного зерна, старый учитель Уизу укорил своего ученика за то, что тот, судя по всему, не справляется со своими обязанностями, поскольку не располагает полными сведениями о доходах, на которых зиждется существование всей общины.

В письме к одному из младших учеников наставник Гэн Лунсюэ так говорил об Уизу: «Уизу всегда быстро и твердо оценивал положение дел. С тех самых пор, как Фоцзянь стал учеником Уизу, он все время отвечал слишком медленно, как и в этот раз. Кто-то из древних сказал: «Если учитель строг, постигающий Путь почитаем». То, что многие ученики, вышедшие из чаньской школы Дуншань, были необычайно мудрыми и добродетельными, лишь подтверждает пословицу: «Если источник глубок, то и река длинна».

25. Непостижимый Будда

Если чаньский наставник Уизу Фаянь видел честных монахов, достойных повышения, в беседах с ними он оставался строгим и твердым и никогда ни словами, ни какими-либо намеками не выражал своего отношения.

Если же он видел тех, кто находится во власти предрассудков и заблуждений, кто льстив и хитер, кто совершает подлые поступки, он был в высшей степени добр и почителен с ними. Никто не мог понять этого.

В том, как Уизу выбирал, что оставить, а что — отбросить, всегда были основания.

*Постскриптум
Гэн Лунсюэ к проповедям Уизу*

26. Величественный свет

Уизу сказал:

Древние с радостью внимали, когда им указывали на их ошибки, с удовольствием делали добрые дела, щедро выказывали великодушие, охотно умалчивали об ошибках других, были скромны в отношениях с друзьями и неутомимы в помощи и спасении людей. Они не загрязняли свои сердца, и исходящий от них величественный свет пронизывает тьму и прошлого, и настоящего.

Письмо-ответ Линьюю

27. Принципы руководства

Уизу сказал Фоцзяню:

Наставник должен быть щедрым по отношению к общине и предельно скромным по отношению к самому себе. Что касается остального, то это — мелочи, которыми можно не утруждать себя.

Когда даешь людям задания, испытай их, чтобы проверить, искренни ли они. Произнося речи, отбирай самые значимые слова. Наставника естественным образом почитают, если к его словам относятся серьезно; община не может не вдохновиться, когда людей выбирают за их искренность.

Когда люди почитают наставника, община подчиняется, даже если наставник мягок; когда люди вдохновлены, дела исполняются, даже если приказания не отдаются. Мудрые и недалекие сами настраивают свои сердца, малые и великие отдаются делам без остатка.

Это в десять тысяч раз лучше, чем когда наставник подавляет подчиненных своей властью, а те, в свою очередь, не следуют за ним, даже будучи принуждаемыми.

Письмо к Фоцзяню, из дневника слуги

28. Беспокойство

Уцзу сказал Го Гунфу:

Настроения и чувства людей непостоянны. Они меняются каждый день. И хотя, начиная с древнейших времен, учение Будды то процветало, то приходило в упадок, причина возвышения или упадка Учения всегда лежала в поведении учителей.

В древности, когда первые чаньские наставники помогали людям, они выверяли чистотой, ограждали нравственной добродетелью и учили правильному и должному, побуждая учеников контролировать собственные зрение и слух, бороться с дурными позовами, пресекать потакание желаниям и забывать о выгоде и почете.

Тем самым они день за днем приближались к доброте, устраняли ошибки, осуществляли Путь и исполняли его добродетели, причем делали все это, не заостряя на том внимания.

Сегодня люди далеки от древних. Если они желают постичь этот путь до конца, они должны быть решительными и твердыми до тех пор, пока не обретут пробуждения; предстоит ли им пережить беду или удручение, найти или потерять — это надлежит оставить естественности. Человек не должен неразумно пытаться избегнуть их.

Почему же любому человеку не удастся достичь успеха, если он будет изначально тревожиться о том, что не преуспеет? Да потому, что как только

малейшая обеспокоенность проникнет в сердце, то не только обретение пробуждения в этом существовании окажется невозможным — не будет даже времени для свершения.

Анналы Обители Невозмутимости

29.

Указывающий на себя

Байюнь сказал Гунфу:

В прежние времена Цуйянь Чжэнь, «Указывающий на себя», усиленно занимался созерцанием и медитацией. Будучи одаренным красноречием и колким на язык, он поносил всех подряд; никто ни разу не заслужил от него доброго слова.

Но на самом деле высшая истина оставалась для него сокрытой. Как-то кто-то из старших учеников из соседнего монастыря, увидев его, рассмеялся и сказал: «Старший брат, хоть вы и долго изучали чань, вас нельзя назвать истинно пробужденным. Скорее вас можно обвинить в неведении».

Вечерние беседы Байюня

30.

Пораженчество

Байюнь сказал:

Как могут быть постоянными процветание или упадок Пути? Ведь все зависит от людей, утверждающих его. Поэтому сказано: «Практикование его означает выживание, отказ от него приводит к гибели».

Вот почему не Путь находится в стороне от людей — люди сходят с Пути.

В старину люди подолгу жили в горах и лесах, вели неприметный образ жизни в городах и деревнях; слава и выгода были для них пустым звуком, ни звуки, ни формы не сбивали их с толку. В конце концов они обретали состояние чистоты и упорядоченности и оставляли бесценное наследие десяти тысячам поколений.

Может ли возможное в прошлом быть невозможным в настоящем? Причина лишь в том, что учение несовершенно и практикование неискренне. Некоторые говорят, что древние были чисты и просты, и потому им можно было проповедовать учение; ныне же люди непостоянны и недалеки, и потому не в состоянии воспринять истину. Такие слова лишь укрепляют заблуждение и не стоят даже того, чтобы их обсуждать.

Ответ Го Гунфу

31. Слова и поступки

Байюнь сказал мирянину Ян Увэю:

То, что можно сказать, но нельзя осуществить, лучше не говорить. То, что можно осуществить, но нельзя выразить, лучше не делать.

Произнося слова, всегда думай о том, что скажешь в конце. Занимаясь практикованием, всегда думай о том, что это означает.

Мудрецы древности были внимательны к своим словам и избирательно относились к своим поступкам.

Произнося речи, они не только излагали принципы чань, но и использовали их для того, чтобы раскрыть сознание учеников, еще не достигших пробуждения.

Занимаясь практикованием, они заботились не только о себе, но использовали практикование в качестве примера для обучения еще не продвинувшихся.

Вот почему, когда они говорили, их речи подчинялись правилам, а когда они действовали, их поступки отличались благопристойностью. Они могли говорить без всякого беспокойства и тревоги и действовать, не навлекая на себя бесчестья. Вот почему речи их стали заповедями, а их поступки — правилами.

Поэтому сказано: «Слова и поступки — вот стержень достойных людей, основа управления самим собой». Они могут двигать небо и землю, соприкасаться даже с демонами и духами, так что их надлежит почитать.

Подлинные записи Байюня

32. Видеть сквозь...

Байюнь сказал Уцзу:

Многие чаньские буддисты, обладающие и знаниями, и способностями, могут видеть вещи только после того, как они стали таковыми, но не могут видеть вещи прежде их становления.

Прекращение понимания, проникновение в объективную реальность, концентрация и знание устанавливаются заранее. Действие, остановка, позволение действия и исчезновение замечаются только после того, как они произошли.

Поэтому, что такое действие, остановка, позволение действия и исчезновение, понять легко, а вот какое значение имеют прекращение и проникновение, концентрация и понимание, понять трудно.

Древние сосредоточивались на Пути. Они отсекали мысли еще прежде, чем те давали ростки. Хотя им были ведомы прекращение и проникновение, концентрация и знание, действие, остановки, позволение и исчезновение, все это зависело от хода развития.

Поэтому сказано: «Если возникает разговор о начале и конце, возникает и самообман». Слова эти принадлежат одному древнему наставнику, который прозревал весь путь и не обманывал себя.

Подлинные записи Байюня

33. Учиться, не отворачиваясь от людей

Байюнь сказал:

Многие монахи из тех, что я видел, не обладают глубиной. Я опасаясь, что из-за этого монастыри придут в упадок. Мой покойный учитель Янци любил говорить, что нет большей опасности для учения, чем когда и высшие, и низшие относятся к нему слишком легко.

В прошлом, когда я жил затворником в библиотеке монастыря Гуйцзун и читал сутры и исторические сочинения, перед моими глазами прошли многие сотни книг. Все они были потрепанными и старыми, и каждый раз, когда я заглядывал в новую книгу, я ощущал себя первооткрывателем.

Когда я размышляю об этом, то прихожу к выводу, что «учиться, не отворачиваясь от людей» означает примерно то же самое.

Подлинные записи Байюня

34. Действовать слишком рано

Чжаньтан сообщал:

Сперва Байюнь отправился в монастырь Чэнтянь в области Девяти рек, а затем двинулся в монастырь Юаньтун. Для чаньского наставника он был очень молод.

В то время великий наставник Хуэйтан находился в монастыре Баофэн. Он сказал Юэ Гунхуэю: «Новый наставник монастыря Юаньтун ясно видит основы и не позорит звание наследника Янши. Жаль лишь, что он начал деятельность слишком рано — для монастыря это несчастье».

Когда Гунхуэй спросил, почему это можно считать неблагоприятным, Хуэйтан сказал: «Творение скупое на признанные совершенства и выдающиеся способности и не дает их людям в избытке. То, чего люди страстно желают, Небо обязательно отберет».

Когда Байюнь скончался в Хайхуэе, ему было пятьдесят шесть лет. Для чаньского наставника это очень молодой возраст. Знающие люди говорят, что великий наставник Хуэйтан мог постичь недоступные для других знаки высшего и был человеком подлинной мудрости.

Записи услышанного от Чжаньтана

35. Продолжать образование

Наставник Хуэйтан пригласил Юэ Гунхуэя в Баофэн. В понимании глубоких доктрин «Сутры героического пути» Гунхуэй превосходил всех своих современников. Каждая фраза, каждое слово, которые слышал Хуэйтан, были для него подобны драгоценному камню, и сердце его переполнилось радостью.

Среди монахов общины Хуэйтана находились и такие, кто тайком критиковал своего наставника. Когда Хуэйтан узнал об этом, он сказал: «Я подумаю о справедливости упреков и буду работать над своими недостатками — чего же мне стыдиться?»

Ин Шаоу сказал: «Постижение Пути наставником Хуэйтаном является образцом для всех чаньских монахов. Он по-прежнему считает главным внутреннее превосходство досточтимой добродетели и стыдится, когда сталкивается с чем-нибудь, чего он не слышал или не видел. Он подает тем, кто превозносит себя и принижает других, подлинный пример, о котором надлежит помнить. Это поистине приносит большую пользу».

Сохранившиеся записи Линьюаня

36. Решения

Хуэйтан сказал:

Для руководства главное — учитывать далеко идущее и значительное и отбрасывать недалекое и незначительное. Если какой-то вопрос никак не удастся решить, следует посоветоваться с опытными и зрелыми людьми, а если сомнения не исчезнут и после этого, то надлежит задуматься об уже известном. И тогда даже если что-то и останется незавершенным, оно, безусловно, не будет слишком важным.

Если же, напротив, наставник склонен давать волю своим личным чувствам и предпочтениям и решать — брать или отдавать — самостоятельно, в один прекрасный день он запутается в планах ничтожных людишек. И чья это будет вина?

Потому сказано: «Планы составляют со многими, решения принимаются в одиночку». Составляя планы вместе с людьми, можно максимально точно узнать о приобретениях или потерях; принимая решения в одиночку, можно определить, что нужно общине, а что — нет.

Письмо Цаотану

37. Кого выбрать?

Однажды Хуэйтан увидел великого наставника Хуанлуна в неблагоприятном расположении духа и спросил его о причине этого. Хуанлун сказал: «Я до сих пор не нашел человека, который мог бы стать казначеем монастыря».

И тогда Хуэйтан порекомендовал помощника интенданта Ганя.

Хуанлун сказал: «Гань слишком груб — боюсь, что мелкие людишки начнут строить против него козни».

Хуэйтан сказал: «Служитель Хуа достаточно честен и бережлив».

Хуанлун сказал: «Пусть Хуа честен и бережлив, но он не так хорош, как Сю, смотритель поместья».

Как-то Линьюань спросил Хуэйтана: «Почему, когда Хуанлуну был нужен казначей, он так долго подбирал подходящего человека?»

Хуэйтан ответил: «Это всегда считали главным те, кто имеет дело с народами и семьями. Разве только один Хуанлун поступил так? Совершенномудрые древности тоже следовали этому правилу».

Записано на стене в Туньане

38. Учение

Хуэйтан сказал Чжу Шиину:

Когда я впервые вступил на Путь, я охотно полагался на себя самого. Но после того, как я увидел моего покойного учителя Хуанлуна, я отказался от этого и стал размышлять о своих повседневных делах. Многие в них противоречило правилам.

Потом я работал над этим в течении трех лет. Даже в лютый холод и нестерпимую жару ничто не могло поколебать мою решимость. И только так мне в конце концов удалось следовать принципу во всех своих делах.

И теперь каждое движение, совершаемое мной, проникнуто живым смыслом учения Будды.

Записи реки Чжан

39. Совершенномудрые и обычные люди

Хуэйтан сказал:

Путь совершенномудрых подобен Небу и Земле, порождающим мириад вещей; нет ничего, чего бы ни давал Путь.

Путь обычных людей подобен рекам, морям, горам, потокам, холмам и долинам, растениям, деревьям и насекомым — каждый исполняет собственную меру, и это все. За пределами своей ограниченности они не видят того, что полно во всем.

Может ли Путь быть двоичным? Разве не становится он большим или малым только вследствие глубины, либо, наоборот, недостаточности понимания?

Письмо-ответ мирянину Чжан Уцзину

40. Пребывание в мире без страданий

Хуэйтан сказал:

То, чем долго пренебрегали, невозможно восстановить мгновенно.

Болезни, которые накапливались в течение долгого времени, нельзя молниеносно излечить.

Невозможно наслаждаться собой бесконечно.

Человеческие чувства не могут быть истинными.

Беды не избежать, пытаясь спрятаться от нее.

Любой наставник, постигший эти пять принципов, пребывает в мире, лишенном страданий.

Письмо наставнику Сяну

41. Единение сердец

Хуанлун сказал:

Главное в управлении — завоевать общину. Главное в завоевании общины — умение проникать в сердца людей. В древности Будда говорил: «Сердца людей — это благодатное поле для мира, ведь именно отсюда исходит путь разума».

Поэтому, вне зависимости от того, безопасно время или губительно, смертоносна ситуация или благоприятна, все зависит от сердец людей. Таящемуся в сердцах людей можно открыть или преградить путь, и отсюда рождаются спокойствие или гибель. Все делается с большим или меньшим тщанием, и отсюда происходят вред или благо.

Только совершенномудрые умели проникать в сердца всех людей Поднебесной. Вот почему гексаграмма «Книги Перемен», в которой внизу — триграмма «Небо», а наверху — триграмма «Земля», называется «Расцвет». А гексаграмма, в которой «Небо» наверху, а «Земля» внизу, называется «Упадок». В символическом смысле уменьшение наверху и прибавление внизу называется процветанием, а уменьшение внизу и прибавление наверху называется закатом.

Если «Небо» внизу, а «Земля» наверху, их положения противоположны, однако гексаграмма называется «Расцвет», поскольку верх и низ взаимно проникают друг в друга. Если наверху «хозяин»,

а внизу «гость», их значения гармонируют, однако гексаграмма называется «Упадок», ибо верх и низ не проникают друг в друга.

Поэтому, когда Небо и Земля не смешиваются, рождающиеся вещи невелики. Если человеческие сердца не сообщаются, вещи не находятся в гармонии. Упадок и процветание, вред и выгода также происходят от этого.

Если те, кто поставлен над другими людьми, могут контролировать себя и потому быть великодушными с низестоящими, низы будут с радостью служить тем, кто наверху. Разве это не зовется процветанием? Если же стоящие наверху пренебрежительны к низестоящим и снисходительны к себе, низы обязательно проявят гнев и непокорность верхам. Разве это не зовется упадком?

Поэтому, если высшие и низшие взаимно проникают друг в друга, утверждается спокойствие и мир. Если же они не проникают друг в друга, значит, что-то не в порядке. Люди, принижающие себя — благо для других; люди, превозносящие самих себя — губительны для других.

Каким же образом приобретаются или теряются сердца людей? Совершенномудрые древности сравнивали людей с лодкой, а их сердца — с водой. Вода может нести лодку, вода же может и опрокинуть ее. Если лодка плывет по течению, вода несет ее, если же лодка поворачивает против течения, она идет ко дну.

Поэтому, если наставник завоевывает сердца людей, наступает процветание, если же наставник утрачивает сердца людей, он остается в одиночестве. Завоевание сердец всех людей означает высшее благо, потеря сердец всех людей означает гибель.

Поэтому, когда и то, и другое присутствует в должной мере — счастье поистине безгранично; когда и то, и другое в недостатке — беда неминуема. Добро и зло подобны друг другу, как жемчужины на одной нитке; именно таким путем, чистым, как солнце на небе, сменяются процветание и упадок. Вот главное правило для поколения за поколением.

Письмо Хуанлун Шэну

42. Расширяя Путь

Хуанлун сказал великому государственному мужу Ван Аньши*:

К чему бы ты ни приступал, оставляя путь перед собой широко открытым, дабы все люди могли пройти по нему. Вот в чем заключается забота великого человека.

Если путь узок и опасен, и другие не в состоянии пройти его, тогда и тебе тоже будет некуда ступить.

Анналы реки Чжан

* Ван Аньши — выдающийся сунский государственный деятель, также считается одним из величайших поэтов Китая. На вершине карьеры достиг наивысших постов и попытался осуществить глубокие преобразования в стране. Однако столкнулся с яростным противодействием тех кругов, чьи интересы затрагивали предлагавшиеся им нововведения, и в конце концов был смещен.

43. Без обмана

Хуанлун сказал:

Если о том, что ты говоришь или не говоришь, о том, что делаешь или не делаешь, ты можешь сказать, что не обманываешь ни Небо наверху, ни людей вовне, ни себя самого внутри, то это действительно можно назвать достижением.

При этом если, будучи наедине с самим собой, ты внимателен к сокровитому и возвышенному, если обнаруживаешь, что ни в чем нет никакого обмана, это можно назвать достижением.

Письмо-ответ Ван Аньши

44. Старший наставник

Хуанлун сказал:

Пост старшего наставника — поистине сосуд просветленных качеств. Когда совершенномудрые древности создавали общины, устанавливали основополагающие принципы и учреждали названия и ранги, они выбирали на пост старшего наставника того, кто отказался от мира и был наделен благими качествами в такой степени, что никто более не мог сравниться с ним и претендовать на его место.

Мой покойный учитель Цымин как-то сказал: «Тот, кто сохраняет Путь до глубокой старости вплоть до самой смерти, настигающей его в горах или долинах, не так хорош, как тот, кто практикует Путь, ведя за собой монахов общины».

Разве это не тот случай, когда тот, кто хорошо исполняет обязанности старшего наставника, сохраняет и добродетели Пути пробужденных?

Письмо Чжэню

45. Испытание

Во время бесед Хуанлун обычно произносил три фразы-преграды, но лишь немногие разгадывали его уловку. Когда кто-нибудь давал ответ, наставник просто закрывал глаза и сидел неподвижно, ни малейшим видом не показывая, согласен он или нет.

Отшельник Пань Яньчжи спросил о том, что дальше. Хуанлун сказал: «Тот, кто перешагнул через преграду, обретает свободу. Тот же, кто спрашивает привратника, все ли в порядке, на самом деле еще не прошел через ворота».

Книга леса

46. Дальше и дальше

Хуанлун сказал:

Путь подобен горе — чем дальше карабкаешься, тем выше она становится. Путь подобен земле — чем дальше идешь, тем дальше она простирается. Недалекие ученики истощают свои силы и останавливаются. Только обладающие волей к пробуждению в состоянии достичь его высот и глубин. Что же до остальных, разве с ними можно сделать что-нибудь?

Записи услышанного

47. Воля

Хуанлун сказал мирянину Ин Шаоу:

Воля не ведает ни сомнений, ни возвращения назад. И тогда в один из дней обязательно познаешь конечную цель невыразимого пробуждения.

Если, с другой стороны, в сознании сохраняются любовь и неприязнь, если чувства твои обусловлены предрассудками, то тогда, боюсь, даже обладая целеустремленным духом древних, ты никогда не увидишь Пути.

Надпись на стене

48. Сыпать грязь на гору

Наставник Баофэн Ин сказал:

Наставники, комментирующие высказывания и учение пробужденных прошлого и критикующие их, лишь сыпят грязь на гору и льют воду в океан. Как можно сделать древних выше и глубже, чем они есть?

Задумавшись о намерениях комментаторов, нетрудно увидеть, что цель их — добавить что-то к древним учениям. Но, увы, сами они не понимают, что не являются теми, кто мог бы это сделать.

Обширные записи

49. Утрата чистоты

Ин Шаоу сказал Хуэйтану:

Дело наставничества и продолжения учения будд, заставляющее монахов обратить свои сердца к Пути, пересматривающее представления о нравственности и изменяющее обычаи, недоступно недалеким.

Нынешние монахи не культивируют добродетелей, и лишь немногие из них обладают подлинной чистотой. Вновь и вновь они подсовывают взятки и заискивают, виляют хвостом, стремясь снискать расположение, жалостливо просят у брэнной власти славы и наград.

В один из дней их карма исполнится, а счастье — рассеется; и божества, и люди устанут от них. Они оскверняют истинное учение и являются позором для своих учителей и собратьев. Как я могу не сокрушаться?

Хуэйтан согласился с ним.

Сохранившиеся записи Линьюаня

50. Сознание и следы

Ин Шаоу сказал Пань Яньчжи:

Постигавшие учение в древние времена управляли своим сознанием, нынешние же ученики имеют дело лишь со следами. Разница между сознанием и следами точно такая же, как между небом и землей.

51. Не торопись

Ин Шаоу сказал наставнику Чжэньцзин Вэню:

Все, что торопится к зрелости, рано увянет. Все, что завершается в спешке, рано погибнет. Все, что делается без долгосрочного планирования и успешно заканчивается, нельзя назвать ни далеко идущим, ни значительным.

Небо и земля — самые удивительные вещи из всех, но, тем не менее, лишь по прошествии трех лет и еще двух дополнительных месяцев они исполняют свой путь и заканчивают свои превращения. Насколько же в большей степени это касается тайны Великого Пути — разве им можно легко овладеть? Необходимо совершенствоваться постепенно, шаг за шагом, и накапливать добродетель. Вот почему сказано: «Если будешь торопиться, никогда не преуспеешь; действуй обдуманно и достигнешь цели».

Главное свершение требует длительного времени и сосредоточения всей жизни. Кто-то из мудрых сказал: «Следуй с верой, практикуй с глубиной, совершенствуй с искренностью, и тогда, каким бы великим ни было дело, непременно преуспеешь в нем».

Сохранившиеся записи Линьюаня

52. Зов долга

Когда Чжэньцзин предложил на должность наставника монастыря Уфэн странствующего монаха Гуана, община запротестовала ввиду того, что Гуан слишком груб и прост и не имеет таланта общения с людьми.

Но когда Гуан взял в свои руки бразды правления, он был требователен к себе и великодушен к другим. Вскоре дела у общины пошли в гору, и все странствующие монахи только и говорили об этом.

Услышав такие вести, Чжэнцзин сказал: «Как можно с такой легкостью укорять или хвалить учеников? Часто можно слышать, как какие-нибудь критики говорят: “Этот наставник практикует Путь и заботится о своей общине, а вот тот наставник не использует средства всей общины и оттого переживает те же тяготы, что и остальные”. Но ведь для учителя и наставника общины не использовать средства общины и нести те же заботы, что и все остальные, является самим собой разумеющимся — об этом даже не стоит говорить.

Это подобно словам вельможи, ставшим чиновником и заботящемся о людях во имя государственных интересов: “Я не беру взятки, я не преследую людей”. Но разве не брать взятки и не преследовать людей — значит делать что-то сверх того, что велит чувство долга?»

Неофициальные беседы Шаньтана

53. Лицемерие

Чжэньцзин сказал:

Лишь немногие монахи нашего времени обладают подлинной чистотой: когда бы они не услышали, как другие ведут возвышенные беседы или диспуты, они говорят себе, что никто не в состоянии сравниться с ними самими. Но когда предлагается угощение, они в конце концов соглашаются с теми, с кем прежде расходились во взглядах, и восхваляют тех, кого прежде опровергали.

Очень трудно найти кого-нибудь, кто мог бы сказать, что правильное — правильно, а неправильное — неправильно, кто был бы взвешен, правдив и прям, кто бы не знал, что такое лицемерие.

Надпись на стене

54. Подлинная забота

Чжэньцзин сказал:

Правило для практикующих чань состоит в том, чтобы жизнь их не была расточительной и пресыщенной, ибо тогда будет излишек. Не следует слишком страстно желать обладания красивыми вещами, ибо сильное желание в конце концов оборачивается потерей. Если настойчиво пытаешься преуспеть в чем-либо, что-нибудь обязательно разрушится.

В течение сорока лет я наблюдал жизнь моего покойного учителя Хуанлуна; и в своих речах, и в молчании, и в действии, и в бездействии он никогда не пытался пленить или очаровать учеников словами, манерами или ученостью. Но все свои силы он без остатка отдавал тем, кто действительно обладал способностями и преображал реальность.

Заботой о людях и почтительностью он походил на древних. Мало кто из членов чаньских общин мог сравниться с ним. Поэтому ныне, когда мне выпала честь вести за собой общину, я следую ему во всем.

Дневник

55. Красивое одеяние

Когда Чжэньцзин был настоятелем монастыря Баоцин в Цзянькане, правитель Шу послал ему в подарок кусок обычного шелка. Чжэньцзин спросил слугу: «Что это за ткань?»

«Это шелковая материя», — ответил слуга.

«И как ее использовать?», — вновь спросил Чжэньцзин.

«Из нее можно сшить одеяние», — сказал слуга.

Тогда Чжэньцзин указал на свою муслиновую одежду и произнес: «Я всегда ношу такую одежду, и никто из тех, кто видит меня, еще не возражал».

После этого Чжэньцзин отослал шелк начальнику кладовых, приказав продать его и купить еды для всей общины.

Дневник Ли Шанлао

56.

Совет правителю

Чжэньцзин сказал правителю Шу:

В своих повседневных делах всеми силами осуществьте правильное и ставьте твердый отпор неправильному. И никогда, трудно ли, легко ли, не изменяйте своей решимости. Если в какой-либо из трудных дней вы заколеблетесь или упустите это из виду, кто может поручиться, что на следующий день не будет так же трудно?

Дневник Ли Шанлао

57.

Справедливость

Наставник Чжаньтан сказал:

Обладающие светлой добродетелью приносят радость людям, не обладающие светлой добродетелью думают об удовольствиях для самих себя. Те, кто приносят радость людям, растут; те же, кто угождают себе, погибают.

Ныне многие из тех, кого называют наставниками, общаются с людьми, руководствуясь собственными чувствами предпочтения или неприязни. Однако, если мы попробуем поискать среди них таких, кто четко знает, что плохо в его предпочтениях и что хорошо в его неприязни, мы обнаружим, что таких очень мало.

Поэтому сказано: «Справедлив тот, кто разделяет с людьми горе и счастье, добро и зло». Кто же не придет искать убежища там, где царит справедливость?

Собрание ростков Лайкэ

58. Адаптация

Чжаньтан сказал:

Для странствующих монахов всех времен единственно правильная стратегия распространения Пути заключается в умении приспосабливаться. Те, кто не знают, как добавить черту к иероглифу, и цепляются за догмы, прилепляются к формам и вязнут в чувствах — никому из них не удастся преуспеть в стратегии.

Кто-то из древних мудрецов говорил: «Глубокая долина лишена пристрастий — любой возглас отзовется эхом. Звук огромного колокола повторится стократ».

Так, мы знаем, что продвинувшиеся в учении люди, познавшие Путь, не дают посредственным людям слиться с ним. Они всегда чутко реагируют, сохраняя при этом преданность только одному.

Письмо Ли Шанлао

59. Выбор друзей

Чжаньтан сказал:

Выбирая друга, ищи такого, который был бы достоин стать твоим учителем, которого ты сам всегда будешь чтить и уважать, который мог бы быть для тебя примером во всем. Только тогда от дружбы может быть прок.

Продолжай следовать за тем учителем, кто хоть немного, но лучше тебя, дабы всегда помнить о том, чего ты еще не достиг. Но если учитель всего лишь равен тебе, то такого лучше не иметь вовсе.

Подлинные записи Баофэна

60. Узнавать людей

Чжаньтан сказал:

Невозможно как следует распознать поведение человека по одному ответу или одному вопросу. Однако, как правило, тем, кто красноречив и быстр на слова, на самом деле нельзя верить, а те, чьи слова медлительны и неуклюжи, непоколебимо преданы принципу.

Ты можешь до конца познать слова людей и при этом так и не проникнуть в их сердца. Ты можешь заставить их замолчать, но при этом так и не завоевать их признания.

Трудность распознавания людей беспокоит мудрых. Ведь многие нынешние монахи, способные и образованные, даже не пытаются проникнуть в сердца других существ. Во всем, что они видят и слышат, они в первую очередь выискивают ошибки и недостатки. Они идут против желаний общины и отворачиваются от Пути. Они обманывают тех, кто почитает их, и стараются низвергнуть тех, кто затмевает их. Тем самым Путь светлого учения, идущий с незапамятных времен, постепенно приходит в упадок и ослабевает, так что скоро он может опуститься до того предела, за которым его уже не спасти.

Письмо мирянину

61. Насекомые

Чжаньтан сказал Мяоси:

В наш век сплошного подражательства многие внешне следуют вешам, но на самом деле не очищают свое сознание. Даже в больших делах, исполняемых ими, отсутствует полная самоотдача. И главная причина здесь — в примитивности и вульгарности тех людей, с которыми они водят дружбу.

Это похоже на насекомых: когда они облепляют вола, они пролетают не более нескольких шагов, но если они прилепляются к быстрой лошади, они могут соперничать с ветром и гнаться за солнцем только вследствие превосходства того, к кому они присосались.

Поэтому ученики обязаны тщательно выбирать, где остановиться, и всегда следовать только за добрыми людьми. Тогда со временем они смогут избавиться от ошибок и пристрастий, приблизиться к гармоничному и правильному и внимать истинным словам.

Дневник

62. Величие духа

Чжаньтан сказал Мяоси:

Когда изучаешь чань, необходимо, чтобы твое сознание и мысли были возвышенными и далеко идущими, чтобы воля и дух переступали пределы.

В речах и поступках береги доверие людей — не позволяй соблазну власти или выгоды увести себя в сторону. И тогда окружающие, которых изменчивые времена то поднимают вверх, то низвергают вниз, не смогут укорить тебя.

Записи услышанного в Баофэне

63. Искренняя любовь к учению

Чжаньтан сказал:

Линьюань любил читать канонические и исторические книги. Он открывал канон или историческое сочинение и читал его до тех пор, пока не запомнил наизусть.

Хуэйтан упрекнул его было за это, но Линьюань сказал: «Я слышал, что тот, кто прилагает значительные усилия, добьется больших результатов».

Государственный Секретарь Хуан Лучжи, продвинувшийся в практике чань, сказал: «Линьюань стремится к учению точно так же, как голодные и страдающие от жажды — к еде и питью, и при этом он не мечтает ни о славе, ни о выгоде. Мне кажется, что его искреннее сердце воистину естественно и свободно».

Собрание ростков Лайкэ

64. Время

Линьюань сказал Чанлин Дяо:

Путь свершается в строго установленное время. В прошлом, когда Цымин был простым бродягой, все презирали его, но он только смеялся над ними. Когда его спросили, отчего он так весел, Цымин ответил: «Когда встречаются драгоценный камень и галька, галька не может одержать верх».

Потом, после встречи с наставником Шэньдином, слава Цымина прогремела по всему буддийскому миру. В конце концов ему удалось возродить умирившую чаньскую школу Линьцзи.

Путь и время — разве они поддаются принуждению?

Свиток

65. Слишком поздно

Линьюань сказал астроному Хуану:

В древние времена кто-то сказал: «Если куча хвороста, на которой полулежишь, загорается снизу, то до тех пор, пока огонь не доберется до тебя, можешь чувствовать себя в безопасности».

Этот случай описывает действие принципа спокойствия и опасности, жизни и смерти. Ясно, как солнце на небе, что он не допустит ни малейшего отклонения.

Люди, как правило, склонны смиряться с привычным положением вещей и редко размышляют о страданиях жизни и смерти. В один из дней вдруг возникнет нечто, чего они не в состоянии будут измерить, и тогда они усядутся и начнут бить себя в грудь, но все будет бесполезно — никто не придет им на помощь.

Свиток на стене

66.

Возвращаясь к основам

Линьюань сказал Фоцзяню:

Сколько я ни получал писем от вашего учителя Уцзу, он никогда не говорил о земных вещах. Сея пробуждение, ведя и поддерживая тех, кто позднее вступил на Путь, он естественным образом забывает себя.

Недавно я получил письмо, в котором говорилось: «Посевы уничтожены засухой, но я ничуть не печалюсь. Беспокоит меня только то, что изучающие чань ничего не видят. Этим летом было свыше ста учеников, но ни один из них не понял притчи о собаках, не обладающих пробужденной природой. Вот что действительно может ввергнуть в печаль».

Слова его поистине величественны, не правда ли? Если сравнить его с теми, кто беспокоится о том, что не позаботятся о его храме, кто боится осуждения чиновников, кто страдает от того, что его не повышают в ранге, кто опасается, что у него не будет множества последователей, то он отличается от всех их, как небо от земли.

Записано слугой

67.

Постепенное развитие

Линьюань сказал:

Когда отбиваешь от камня куски и полируешь его, то, пока натираешь и шлифуешь, не замечаешь его уменьшения, но со временем он изотрется. Когда сажаешь дерево и присматриваешь за ним, не замечаешь, как оно растет, но со временем оно станет большим.

Когда, постоянно практикуя, накапливаешь добродетель, поначалу не сознаешь приносимого ею блага, но со временем она проявит себя. Если же отказываешься от правильного и идешь против истины, то не видишь от этого никакого зла, но в свое время погибнешь.

Когда ученики до конца постигнут это и осуществят, они разовьют в себе великие способности и заслужат доброе имя. Принцип сей неизменен ни в настоящем, ни в будущем.

Свиток

68.

Ограниченность и потакание желаниям

Линьюань сказал наставнику Хуэйгу:

Бедя и счастье зависят друг от друга, удача и неудача находятся за одними стенами. В действительности люди сами призывают на себя либо то, либо другое.

Как можно не обдумывать это?

Некоторые принимают во внимание только то, что приносит им удовольствие или вызывает у них гнев. Таких можно назвать ограниченными и расточительными в потакании своим желаниям и следованию желаниям других.

Не таким должен быть наставник, ведь они воплощают собой эгоистичное потворство собственной похоти — источнику всех зол неумеренности и излишества.

Свиток

69.

Выгода и утрата

Линьюань сказал ученому-конфуцианцу Чэн И:

Бедствие может породить счастье, счастье может породить бедствие. Все дело в том, что, находясь в опасном или бедственном положении, человек искренне думает о безопасности, а когда он отдает все силы, чтобы обрести спокойствие, он проявляет серьезность и благоразумие — поэтому-то и рождается счастье.

Счастье же порождает беду оттого, что, живя спокойной жизнью, люди погрязают в жадности и лени, они становятся презрительными и надменными — поэтому-то и рождается беда.

Один мудрец сказал: «Множество трудностей совершенствуют волю, отсутствие же трудностей разрушает человека».

Выгода — это грань утраты, утрата же — средоточие выгоды. Поэтому счастье не может приходить вновь и вновь, постоянно надеяться на удачу нет оснований. Если, находясь в благоприятной ситуации, думаешь о беде, можешь сохранить счастье; если, видя выгоду, учиываешь и потерю, сумеешь обрести эту выгоду.

Поэтому благородный муж в безопасности не забывает об угрозе, а в период порядка не забывает о хаосе.

Свиток

70. Обманывая себя

Линьюань сказал:

Те, кто, управляя людьми, обманывают себя, едва ли смогут успешно завершить какое-либо дело. Ведь их добродетели поверхностны, их чувство меры недостаточно, а их знания, полученные из опыта, незначительны. Кроме того, они не способны следовать добру, стремиться к справедливости и тем более использовать их для собственного развития и обретения понимания.

Ежедневные записи

71. Осторожность

Линьюань сказал:

Ученики должны быть внимательными к тому, что они принимают, а что — отбрасывают; они не имеют права поверхностно относиться к тому, что они говорят или делают.

Немногословные люди не обязательно глупы; бойкие на язык не обязательно мудры. Простые и грубоватые люди не обязательно неразумны или вздорны; услужливые и покорные не обязательно преданны и правдивы.

Поэтому наставник не судит о людях по их речам и не выбирает учеников по их взглядам.

Кто из монахов Поднебесной не стремится к пробуждению? Однако тех, кто достиг пробуждения и способен видеть подлинную реальность, — один на сотню или даже тысячу. Даже тем, кто неустанно занимается самосовершенствованием и усердно практикует, кто накапливает знания и взращивает добродетель, для достижения результата требуется тридцать лет. Если же человек совершает что-то несправедное и община отвергает его, он не обретет Пути за всю свою жизнь.

Даже фонарь, освещающий дорогу колеснице, не может не иметь изъянов, даже драгоценность, за которую отдают много городов, не может быть совершенно безупречной. Даже Конфуций, который был совершенномудрым, говорил, что он

изучал «Книгу Перемен» пятьдесят лет, прежде чем научился не делать больших ошибок.

В сутрах сказано: «Не бойся мыслей, опасайся лишь опоздать понять их». Насколько подходит это — если совершенномудрые были всегда свободны от ошибок?

Это относится ко всем тем, кто действительно знают, как пройти путь до конца — тогда жизнь не растрачивается попусту. Поэтому сказано: «Умелая резьба есть мастерство следовать завиткам и углам; изогнутая ли линия или прямая — материал не расходуется зря. Умение ездить на лошади — вот хороший путь достойно встретить и сложную, и легкую ситуацию; ни медленный, ни быстрый не утратят собственной природы».

Раз таковы вещи и животные, то такими же должны быть и люди. Если в своих поступках следовать чувствам любви или ненависти, оставлять тех, кто отличается от тебя и присоединяться к тем, кто подобен тебе, то это то же самое, что вырезать завитки и прямые линии без веревки и нанесения отметок или взвешивать без весов. Даже если тебе удастся добиться результата, ты не сможешь быть полностью свободным от ошибок.

72.

Хорошее управление

Линьюань сказал:

Хороший наставник делает умы членов общины собственным умом и никогда не позволяет умам членов общины погрязнуть в предрассудках. Он делает глаза и уши членов общины своими глазами и ушами и никогда не позволяет их глазам и ушам быть пристрастными.

Поэтому он способен полностью реализовать волю людей и проникнуть в их чувства.

Когда наставник делает умы членов общины своим собственным умом, добро и зло становятся для него тем же самым, чем они являются и для общины. И тогда добро безусловно обращается в добро, а зло безошибочно превращается в зло.

Зачем же тогда полагаться на собственные переменчивые мысли и вдобавок внимать лести других?

Когда наставник делает глаза и уши людей своими глазами и ушами, восприимчивость людей становится его собственной, и тогда не остается ничего, что не было бы увидено и не было бы услышано.

К чему же тогда добавлять к этому еще и личные взгляды, тем самым настойчиво побуждая остальных к лицемерию и обману?

Совершенномудрые, выражая свои сердца и опираясь на собственные взгляды, стремились к тому, чтобы иметь те же устремления, что и у членов общины, и не иметь преубеждений и пристрастий.

Поэтому сказано, что для повсеместного распространения добродетели, гуманности и справедливости надлежит поступать именно так. Обладающие же невежественным и замутненным сознанием стараются выискивать чужие ошибки и, противопоставляя свои желания желаниям людей, погрязают в собственных предрассудках. Поэтому не найдется ни одного, кто бы не отстранился от них. Им же подобны и те, чья дурная слава и плохие поступки известны повсюду.

Таким образом, если устремления наставника совпадают с устремлениями общины, его можно назвать мудрым. Если же его желания расходятся с желаниями общины, его можно назвать посредственностью.

В целом, есть различие между раскрытием и насаждением взглядов — хорошее и плохое, успех и неудача идут противоположными путями. Разве дело здесь не в различии целей, с которыми выискиваются ошибки, и не в несходстве методов возлагания ответственности на людей?

73.

Два ветра

Линьюань сказал:

Нынешние наставники зачастую утрачивают ясность познания, оказываясь в двух различных ситуациях. Когда налетают два ветра, они теряют суть учения.

Первая из ситуаций — неблагоприятные обстоятельства, в которых большинство людей поражает ветер упадка. Другая же — благоприятные обстоятельства, в которых людей поражает ветер выгоды.

Поскольку человек подвержен воздействию обоих ветров, чувства радости и гнева смешиваются в его сердце, выражения угнетения и смятения омрачают его лицо. Это навлекает позор на учение и оскорбляет совершенномудрых.

Только совершенномудрый в состоянии обратить обстоятельства в способ распространения учения, своим заслуживающим восхищения примером ведя за собой последующие поколения. Так, когда наставник Ланья отправился в Сучжоу, ему случилось получить в качестве пожертвования свыше тысячи связок монет. Он тайно отправил людей, чтобы пересчитать их, потом, не упоминая своего имени, разослал деньги монахам городских монастырей и в тот же самый день устроил пир для всей братии.

Сам же Ланья, тем временем, заранее сделал все необходимые приготовления к отъезду и уехал еще до рассвета следующего дня. Когда солнце взошло,

монахи увидели, что наставника уже нет. Некоторые отправились вслед за ним в Чанчжоу, встретились с ним и вернулись, озаренные благом учения.

Лицезрение Ланья укрепляло веру людей и укореняло семена Пути в их сердцах. Вот что называется обращением обстоятельств в метод обучения. Насколько же отличаются от него те, кто обманом забирает высокую должность с целью личной выгоды!

Из письма

74. Очевидное и неизвестное

Господин Фань Вэньчжан сказал чаньскому наставнику Линья:

Когда я был здесь в прошлом году, я хотел встретить кого-нибудь из чаньской общины, с кем можно было бы поговорить. Я спросил чиновника, есть ли в горах достойные монахи, и он с восхищением отозвался о двух по имени Си и Мао, проживавших в храме к северу.

Я спросил: «Разве, за исключением этих двух, среди занимающихся медитацией и практикой больше никого нет?»

Чиновник ответил так: «Конфуцианцы ценят поведение благородного человека, монахи говорят о добродетельных поступках. Что касается этих двух, Си и Мао, то за тридцать лет они так и не переступили порог храма, они носят простую муслиновую одежду и ничуть ни озабочены ни славой, ни приобретением чем-либо для себя. Вот почему местные жители глубоко уважают их за усердие и почитают как своих учителей. Но принадлежат ли они к тем, кто учит так, как Будда, — свободно размышляя и ярко излагая, и можно ли их назвать истинными проводниками — знать это выше моей власти».

Когда у меня появилось время, я отправился с визитом к Си и Мао и увидел, что они ведут себя

точно так же, как описал чиновник. Потом я вышел в отставку и размышлял о том, что эта область с давних времен славится добродетельной жизнью. Теперь, когда я вижу того старого чиновника, я поражаюсь — даже он смог отличить благородных людей от ничтожных. Насколько же более велики возможности тех, кто обладает истинным знанием!

Наставник Ланья сказал: «Чиновник произнес подлинно великие слова — запишите их, для того чтобы обучать на них неразумных».

Собственные записи Ланья

75.

Вне досягаемости стрел

Линьюань сказал:

Наставник Юань из Чжуншани за всю свою жизнь никогда не заводил себе друзей из знати и никогда не гнался ни за славой, ни за выгодой. Он смирял себя скромностью и отдавал все свое время Пути.

Когда вельможи стали уговаривать его начать выступать с открытыми беседами, Юань сказал: «Если у вас хорошее поле, чего ж печалиться о том, что оно созреет поздно? Единственное, чего стоит бояться, так это недостатка умения и инструментов».

Кто-то из знатных людей, услышав об этом, сказал: «Птицы, завидев людей с таящей опасностью наружностью, улетают прочь и вновь собираются в стаю, оказавшись вне досягаемости стрел. Так и наставник Юань».

Собрание ростков Лайкэ

76. Готовность

Линьюань сказал:

Древний наставник говорил: «В постижении Пути трудно понять его; поняв, трудно сохранить его. Сохранив его, трудно осуществить его на практике». Осуществить Путь гораздо сложнее, чем понять и сохранить его.

В целом, понимание и сохранение зависят лишь от упорства, непоколебимости устремлений и стойкости; для практики же необходимы самообладание и готовность забыть о себе и помогать другим на протяжении всей жизни.

Если сознание не уравновешено, а готовность не непоколебима, то утрата и выгода вернуться, а сам ты превратишься в обычного земного священнослужителя — обо всем этом стоит помнить.

77. Неподражаемый учитель

Линьюань сказал:

Уцзу Фаянь был по природе своей необычайным человеком. Он всегда говорил и молчал своевременно, и когда бы он ни произносил речи, объяснения его были поистине всеобъемлющими. Те, кто пытались подражать ему, казались либо странными и вульгарными, либо невежественными и грубыми; никто не мог сравниться с ним. Подобного ему не найти даже среди совершенномудрых древности.

Тем не менее, ведя за собой учеников, он сохранял скромность голодного и испытывающего жажду человека. Однажды он сказал: «У меня нет учения — как я могу вдохновлять учеников? Поистине, в этой школе я преступник».

78.

Проверяй себя

Постижение Линьюанем Пути и применение им принципов были чисты, искренни и добродетельны. Он обладал духом древних наставников. Он был спокоен и серьезен и мало говорил. Его высоко чтили и глубоко уважали и ученые, и знатные особы. Однажды он сказал:

Совершенномудрый предельно внимателен к тому, к чему люди относятся легко и беспечно. Быть наставником общины и помогать ученикам продвигаться к пробуждению невозможно, если действия и понимание не находятся во взаимной гармонии.

Очень важно постоянно проверять и критиковать себя самого, чтобы не допускать в свое сознание мысли о славе и выгоде.

Если какой-то из принципов учения не вызывает доверия или послушания со стороны учеников, следует устраниваться, размышлять, культивировать добродетель и ждать, когда придет время.

Я не видел никого, кто был бы прям сердцем и в чьей общине не царил бы порядок. В этом заключается смысл слов: «Один только вид добродетельного человека очищает сердца людей».

Записи услышанного

79.

Сохранение и развитие

Линьюань сказал Юаньфу:

Если практикующие чань, способные узреть Путь, тем не менее не смогут сохранить и глубоко развить его, то, когда они начнут осуществлять его, Путь станет резким и грубым. В этом, боюсь, не только нет никакой помощи учению, но и таятся беда и позор.

80. Искренность и правдивость

Чаньский наставник Юань сказал:

Постижение Пути покоится на правдивости, утверждение правдивости зависит от искренности. Только придерживаясь искренности внутри себя можно освободить людей от невежества; только придерживаясь правдивости внутри можно научить людей избавляться от иллюзий. Лишь правдивость и искренность не имеют изъянов.

Если искренность не совершенна, на человека нельзя ни полагаться, ни доверять ему. Если правдивость не совершенна, слова человека нельзя принимать за руководство к действию. Кто-то из древних говорил: «Можно остаться без еды и одежды, но истину нельзя терять».

Наставник должен учить людей с искренностью и правдивостью. Если сердце человека неискренне, а поступки его неправдивы, как можно назвать его учителем?

В «Книге Перемен» сказано: «Только когда в Поднебесной воцарится совершенная справедливость, можно исчерпать природу». Способность исчерпать природу означает способность исчерпать человеческую природу. Если человек не способен исчерпать собственную природу, но требует этого от других, люди будут обманывать и не будут ему подчиняться.

Если человек неискренен изначально, но говорит об искренности в последующем, люди будут сомневаться и не будут ему доверять. Вот в чем смысл слов: «Когда бреешь голову, брей до самой кожи; когда обрезаешь ногти, обрезай до самого мяса».

Поистине, если искренность не совершенна, люди не будут вдохновляться ею. Если нет уменьшения, не будет и увеличения. Таким образом, очевидно, что без искренности и правдивости невозможно прожить ни мгновения.

Письмо государственному инспектору У

81.

Исправлять ошибки

Юанью сказал:

Кто не совершает ошибок? Ошибиться и уметь исправить ошибку — это самое лучшее. С незапамятных времен способность исправлять ошибки воспевали как проявление истинной мудрости, в то время как искусство не совершать ошибок — лишь прекрасным качеством. Поступки человека полны просчетов и ошибок — от них не свободны ни мудрецы, ни глупцы — однако только мудрые могут исправлять ошибки и изменяться к лучшему, в то время как глупцы в большинстве своем прячут собственные упущения и скрывают собственные недостатки.

Когда человек изменяется к лучшему, добродетель каждый день обновляется. Это качество характеризует совершенного человека. Когда же человек прячет свои ошибки, зло все сильнее и сильнее проявляет себя. Это качество характеризует ничтожество.

Вот почему умение, услышав правильное, следовать ему, обычные люди считают труднодостижимым. Способность, увидев добро, с радостью идти за ним, высоко ценят и мудрые, и добродетельные.

Я надеюсь, что вы забудете о внешнем значении слов.

Письмо Вэнь Ванбу

82.

Феникс и волк

Юанью сказал:

Мой покойный учитель говорил, что среди наставников есть такие, кто движет людьми посредством светлой добродетели, и такие, кто заставляет людей быть покорными силой авторитета. Они подобны соответственно фениксу в полете, которым восхищаются все животные, и крадущемуся тигру или волку, которых все боятся. Что касается подвижничества или подчинения, то по сути они — одно, однако два типа наставников отличаются один от другого, как небо от земли.

Собрание ростков Лайкэ

83.

Как завоевывать людей

Юанью сказал библиотекарю Луну:

Если хочешь отдавать приказания людям, но не стремишься к завоеванию их сердец, приказывать будет невозможно. Если стараешься завоевать сердца людей, но не заботишься об установлении отношений с низшими, сердца людей не откроются. Если пытаешься установить отношения с низшими, но не различаешь хороших и плохих, не сможешь общаться с низшими.

Если, пытаясь отличить хороших людей от плохих, не будешь любить, когда тебе будет говорить о твоей неправоте, а будешь любить только когда будут следовать за тобой, добро и зло не будут различимы.

Только мудрые приверженцы учения с охотой внимают, когда слышат о своих ошибках, и не испытывают радости, когда другие следуют за ними. Ведь следовать нужно только Пути, и только так завоевываются сердца людей и управляют общины.

Обширные записи

84.

Сознание общины

Юанью сказал:

Наставник делает знания общины своим знанием, делает умы общины своим умом. Он всегда опасается не понять чувств даже одного человека или не постичь принципа даже одной вещи.

Наставник должен только искать добра, ревностно стремиться к добру и выслушивать советы. Он обязан задаваться вопросом, правильно нечто или неправильно, каким бы большим или малым ни было дело. Если принцип правилен, то тогда, даже если дело требует больших расходов, какой в этом урон? Если же вещь неправильна, то даже если избавиться от нее не составляет труда, какая в этом потеря?

Малое — частичка большого, возвышенное — зародыш очевидного. Вот почему мудрые столь внимательны к началу любого дела, совершенномудрые же помнят о предостережениях. Даже вода, капающая по капле, в конце концов может превратить в озеро шелковичный сад. Огонь, если его не потушить, в конце концов превратит луг в выжженное поле.

Если несется потоком вода или бушует огонь, беда уже случилась, и помочь нечем даже при всем желании. В старину говорили: «Если пренебрегать незначительными делами, в конце концов они преградят путь великой добродетели». Вот что имею я в виду.

85. Наставничество и гордыня

Юанью сказал Юань Будаю:

Исполняя роль наставника, помогающего распространять свет учения Будды, всегда помни о даровании помощи и спасения и практикуй это без всякой гордыни. И тогда многим сумеешь передать, и многие окажутся спасенными.

Однако, если тебя съедает гордыня и ты склонен шеголять своими способностями, тогда появятся честолюбивые мысли, и сознание твое будет замутнено.

Вырезано на камне в Шуанлине

86. Начало и конец

Юанью сказал Мяоси:

Чем бы ты ни занимался, всегда помни о конце и начале. Сделанное хорошо обязательно обернется добром, начатое хорошо непременно хорошо и закончится. Если ты так же внимателен к концу, как и к началу, то потери обойдут тебя стороной.

В древности говорили: «Какая жалость в том, что недошитый плащ становится рубашкой? Пройдя девяносто ли из ста, все еще находишься на половине пути». В этих словах выражено сожаление по поводу неоконченного начала. Потому сказано: «Любой может что-то начать, но немногие в состоянии довести это до конца».

В прошлом мой духовный дядя Хуэйтан говорил: «Наставник Хуанбо Шэн был поистине выдающимся монахом, но и он совершал ошибки до конца своих дней. Однако разве нельзя назвать его мудрым уже тогда, когда он находился в начале пути?»

Наследие Юньмэнь

87. Прецедент

Юанью сказал Фоцзяню:

Наш духовный предок Байюнь всегда брал пример с древних, что бы он ни делал. Как-то он сказал: «Если дело не имело прецедентов в прошлом, его называют противозаконным. Только познакомившись со множеством изречений и деяний совершенномудрых древности, можно достичь желаемого».

И здесь дело не в какой-то особой любви к старине — просто примеров среди людей нашего времени недостаточно. Мой покойный учитель любил повторять, что его учитель придерживался старины и не замечал движения времени. Он говорил: «Изменение древнего и постоянного — большая беда сегодняшних людей; я никогда не сделаю этого».

Дневник наставника чань

88. Выбор преемника

Когда наставник Фоцзянь покидал монастырь Тайпин, с тем чтобы отправиться в монастырь Чжихай, губернатор провинции Цэн Юаньли спросил, кто после него возглавит монастырь Тайпин.

Фоцзянь назвал главу собраний Пина. Губернатор попросил о встрече с ним, но Фоцзянь сказал: «Пин — сильный и прямой человек, далекий от земных забот и свободный от желаний; даже если лично вы попросите его стать настоятелем монастыря, полагаю, он не пойдет вам навстречу. Как же он может сам явиться к вам?»

Губернатор настаивал на том, чтобы монах предстал перед ним, но Пин сказал: «Тогда я окажусь настоятелем, назначившим самого себя». В конце концов он бежал на гору Сыкун. Губернатор сказал Фоцзяню: «Я еще никогда не видал такого».

Тогда губернатор приказал всем главным монастырям пригласить Пина на пост настоятеля монастыря Тайпин, так что у того более не было возможности отказываться, и он согласился.

Дневник слуги Чжана

89. Наилучшие люди

Фоцзянь сказал Шунь Фодэну:

Наилучшие люди не думают о славе и богатстве, а те, кто обрел истину, свободны от чувств угнетенности и опустошенности.

Завидев выгоду, прилагать все силы для ее получения; предлагать свои услуги, зная, что с этого можно что-то поиметь — так поступают посредственности и ничтожные людишки.

Дневник

90. Сознание и внешние объекты

Фоцзнь сказал наставнику Пину:

Называющий себя наставником не должен жаждать чего бы то ни было, ибо как только возникают желания, человек попадает под власть внешних объектов. Когда появляются устремления и желания, сознание становится алчущим. Если любишь получать подношения, появляются мысли о соперничестве и спорах. Если тебе нравятся покорные последователи, останешься в окружении ничтожных льстецов. Если любишь считать победы, между тобой и остальными развернется пропасть. Если склонен к эксплуатации людей, поднимется ропот возмущения.

Если постигнешь вышеизложенное до конца, суть его войдет в твое сознание. Если сознание не пробуждено, мириад вещей растворятся сами собой. Все, что я осознал в своей жизни, не выходит за пределы этого. Будь настойчив, являя собой пример для будущих учеников.

Надпись на камне в Наньнине

91. Бережливость

Фоцзянь сказал:

Мой покойный учитель Уцзу отличался бережливостью; у него была одна сумка для утвари и один мешок для сандалий, залатанные по сто раз, заштопанные по тысяче раз, и, тем не менее, он не позволял себе выбросить их.

Как-то он сказал: «Эти две вещи со мной с тех самых пор, когда, пятьдесят лет назад, я покинул свою деревню — как же я могу выбросить их на половине пути?»

Некий старший монах прислал ему в подарок одежду из грубой ткани, полученную, как он сам говорил, из дальних стран, дающую тепло зимой и прохладу летом. Мой покойный учитель сказал: «В холод у меня есть хворост, превращающийся в тлеющие угольки, и бумага, чтобы укрыться. В жару у меня есть ветер, шелестящий в соснах, вода и камень. Для чего мне эта одежда?» И отказался от подарка.

Дневник

92. Глубокие и недалекие

Фоцзянь сказал:

Мой покойный учитель Уцзу говорил, что его учитель Байюнь всегда был открыт и понятен и никогда не напускал на себя неприступного выражения. Какое бы дело ни должно было быть сделано, он вскакивал с места и вел за собой остальных. Он охотно выдвигал мудрых и способных и ненавидел тех, кто оставлял одних и присоединялся к другим из соображений выгоды. Целый день он сидел в одном кресле, и ничто не омрачало его.

Как-то он сказал слуге: «Сохранять Путь, находиться на грани бедности — вот главный удел того, кто носит одежду, сшитую из лоскутов. Те, кто изменяет своему предназначению из-за лишений или успеха, выгоды или потерь, просто недостойны того, чтобы говорить о Пути».

Дневник

93.

Прочный мир

Фоцзянь сказал:

Тот, кто не беспокоится о Пути, не в состоянии сохранить твердость духа; тот, кто все время находится в тепличных условиях, не будет решительным в больших делах. Древние проходили через трудности и лишения, сталкивались с опасностью и многочисленными препятствиями, и только после всего этого обретали прочный мир.

Когда дело необычайно трудно, воля предельно напряжена; лишения делают мысли глубокими. В конце концов, человек в состоянии обратить беду в счастье, а простые вещи — в Путь.

Я видел немало учеников, гоняющихся за вещами и забывающих о Пути, отворачивающихся от света и погружающихся в темноту. При этом они надевали маскарадный костюм из собственной неспособности и дурачили тех людей, которые считали себя мудрыми. Они подчеркивали недостатки других, дабы оскорбить их, и считали себя выше всех остальных. Так они обманывали людей, не понимая, что есть их пробужденные предшественники, которых обмануть невозможно. Так они ослепляли людей, не понимая, что есть просто здравый смысл, который не заслонить.

Вот почему те, кто считают себя мудрыми, в глазах остальных являются глупцами; тех, кто превозносит себя, другие ставят на место.

Совершенномудрые не похожи на них. Как сказано: «Дела разнообразны и бесконечны, а способности ограничены и конечны». Если пытаешься объять необъятное ограниченным знанием, понимание будет необъективным, а дух истощится; и тогда ты не сможешь пройти Великий Путь до конца.

Письмо

94. Поведение

Фоцзянь сказал:

В духовном наставнике ценят прежде всего чистоту поведения и искреннюю веру, восхишающую тех, кто пришел учиться. Если хотя бы какие-нибудь незрелые и недостойные качества не будут изжиты, ничтожные людишки со временем обязательно пронюхают об этом, и тогда, даже если наставник обладает духовной силой, сравнимой с той, что обладали древние, ученики будут сомневаться и не станут доверять ему.

*Из неофициальной беседы
с Шаньтаном*

95. Дух древних

Фоцзянь сказал:

Из всех учеников Фояня только Гаоянь отличается выдающимися способностями, далеко превосходящими те, что имеют обычные люди. Желания не соблазняют его, все дела он делает беспристрастно. Он чист и исполнен достоинства, почителен и благоразумен. Он верен себе от начала до конца, и при этом бережет свою честь и нравственность. Поистине, в нем живет дух древних; среди нынешних посредственностей едва ли найдется такой, кто мог бы сравниться с ним.

Письмо

96.

Продуманное действие

Наставник Фоянь Юань сказал:

Поведение в отношении с общиной надо совершенствовать во время отдыха; речи, с которыми обращаешься к гостям, надежит оттачивать в разговоре с родственниками.

Члены чаньской общины, прежде чем произнести слово или совершить поступок, должны сначала оценить и обдумать его, и лишь потом действовать, избегая поспешности и грубости.

Если ты не способен принять решение самостоятельно, посоветуйся с опытными наставниками. Почаще спрашивай о мудрых людях прошлого, дабы расширить свои знания, исправить недостатки и пролить свет на то, что сокрыто от тебя.

Как можно без толку напускать на себя важный вид и предаваться самомнению, показывая тем самым свое убожество? Если совершаешь ошибку в самом начале, то даже сто добрых дел в конце не заслонят ее.

Письмо

97.

Культура

Фоянь сказал:

Люди появляются на свет между небом и землей и получают от них полярные энергии. До тех пор, пока они не научатся жить в согласии с подлинной реальностью, руководствуясь в первую очередь обетом сострадания, их стремление к выгоде невозможно будет искоренить.

Даже совершенномудрые сознавали, что не в состоянии избавиться от человеческого желания выгоды, поэтому они сначала выправляли свои сердца нравственностью, а потом совершенствовали их гуманностью, справедливостью, культурой и знанием, для того чтобы противостоять этому. На протяжении долгого времени они не позволяли жажде выгоды вытеснить из сердец людей гуманность, справедливость, культуру и знание, и тем самым утверждали их нравственность.

Письмо

98. Правила

Фоянь сказал Гаояню:

Всеохватывающее назначение изначальных правил чаньских общин заключается в том, чтобы показать правильное, обуздать неправильное, явить примеры и сделать равными всех членов общины, с тем чтобы управлять чувствами последующих поколений в соответствии со временем.

Человеческие чувства подобны воде, правила и обычаи подобны дамбе. Если дамба некрепка, вода прорвется сквозь нее. Если человеческие чувства не сдерживать, люди станут распушенными и дикими. Поэтому для того, чтобы освободиться от чувств и покончить с иллюзиями, предотвратить зло и остановить ошибки, нельзя ни на мгновение забывать о предписанных правилах.

Но разве установления и обычаи могут полностью подавить человеческие чувства? Они тоже представляют собой лишь шаг, помогающий вступить на Путь. Принципы очевидны, как солнце и луна — те, кто следуют им, не собьются с пути; они широки, как дорога, — те, кто идет по ней, не заплутает. Установления совершенномудрых прошлого разнообразны, но если постигнешь их истоки, увидишь, что в основе они — одно.

В нынешних чаньских общинах есть те, кто решительно следуют правилам, те, кто привязаны к ним до конца своих дней, и те, кто с пренебрежением

относятся к ним — все они отвернулись от Пути и утратили принцип. Все это происходит оттого, что люди погрязли в чувствах и идут за неправильным. Они никогда не думают о совершенномудрых древности, которые спасали последнюю эпоху от гибели, препятствовали распушенности и вожделяющим умам, в зародыше останавливали честолюбивые устремления и пресекали путь ошибкам и пристрастиям — вот в чем смысл установлений.

Анналы Восточного озера

99. Слова

Фоянь сказал:

Ученики не должны увязать в словах и речах. Вообще, полагаться на слова и высказывания других при выражении своего понимания — значит закрывать врата собственного пробуждения и оставаться во власти словесных символов.

В прошлом, когда Да Гуаньпи впервые встретил наставника Шимэнь Гуна и завел с ним беседу, он решил показать свое красноречие, но Шимэнь сказал ему: «То, что вы произносите, — всего лишь слова, которые можно написать на бумаге, но они не проникают в истинную возвышенную чистоту сознания. Ищите невыразимого пробуждения; пробудившийся выходит за пределы, он не цепляется за слова и не приклеивается к фразам, он подобен ревущему льву, от рыка которого дрожат все звери. И тогда, когда вы вновь вернетесь к словам, это будет подобно сравнению десяти с сотней, тысячи с десятью тысячами».

Записи услышанного в Лунмэне

100. Познай себя

Фоянь сказал Гаоаню:

Тот, кто видит концы распущенных волос, не может видеть собственных бровей; тот, кто поднимает даже тридцать тысяч цзяней, не может поднять собственного тела. Так и ученик, с блеском критикующий других, но становящийся невеждой, когда речь заходит о познании себя.

Собрание истинного пастыря

101. Признание учителя

Наставник Гаоань сказал:

Когда я впервые встретил наставника Фоцзяня, вот что он говорил во время неофициальной беседы:

«Жадность и ненависть хуже разбойников — сопротивляйся им с помощью мудрости. Мудрость подобна воде — от неиспользования она застаивается, застаиваясь, она не циркулирует, не циркулируя, она не действует. И как тогда мудрость справится с жадностью и ненавистью?»

Хотя в то время я был молод, я сразу же понял своим сердцем, что передо мной — подлинный наставник, и в конце концов попросил позволения остаться.

Подлинные записи Юньцзи

102. Равновесие

Гаоань сказал:

Ученики должны все время помнить о равновесии и правдивости; тогда, даже если перед ними возникнет множество преград, они сохраняют безмятежность и спокойствие.

Но если они поражены склонностью или предвзятостью, если днем и ночью их гложет только одна мысль — о личной выгоде, боюсь, что их огромные тела не поместятся между небом и землей.

Собрание истинного пастыря

103. Привычки

Гаоань сказал:

Добротелью, гуманностью и справедливостью обладали не только древние; они знакомы и людям нашего времени, но поскольку их знания замутнены, их образованность недостаточно широка, их способности не чисты, а их воля слаба, они не в состоянии осуществить их и потому соблазняются тем, что видят и слышат, и пребывают в неведении относительно своего истинного положения. Все это происходит из-за ложных представлений и чувственного понимания, а также приверженности сложившимся привычкам, которые не устранить моментально. Вот единственная причина того, что люди наших дней не могут подняться до уровня древних.

Письмо

104. Наследие расточительности

Когда Гаоань услышал, что в Цзиншани, где настоятелем был Чэн Гуму, живут расточительно, он опечалился и сказал: «В правилах монашества — вести аскетический образ жизни — как же можно допускать такое? Как может тот, кто, потворствуя ненасытности и жадности, безо всяких причин приучает последующие поколения к излишествам, не испытывать стыда перед древними?»

Собрание истинного пастыря

105.

Состояние общины

Гаоань сказал:

Великое тело наставника растворяется в общине: разграничения проводятся соответственно, расходы не выходят за пределы имеющегося, в основе поступков лежат принципы спокойствия и блага, приобретения и потери соотносятся с истоками учения. Разве легко явить образец для людей?

Я никогда не видел, чтобы ленивый и легкомысленный наставник добился повиновения от монахов, или чтобы наставник, установлениями которого пренебрегают, уберег бы чаньскую общину от варварства и презрения.

В прошлом наставник Юйван Шэнь прогнал своего первого ученика, а наставник Яншань Вэй избавился от своего слуги. Эти случаи зафиксированы в наших писаниях, и они стоят того, чтобы их принимать за правило. Ныне каждый следует только своим желанием, тем самым разрушая изначальные установления чаньских общин.

Сегодня люди ленивы на подъем, а когда они собираются вместе, у многих не хватает должных манер. Одни бесстыдно предаются обжорству, другие устраивают диспуты, мечтая о поддержке и почитании.

Дошло до того, что уже не сыскать такого места, где бы не пустила корни погоня за выгодой. Как же

может процветать путь истины и пресуществляться живой дух духовного наставничества, о чем мы так страстно мечтаем?

Собрание Луншань

106.

Что ты делаешь?

Говорят, что когда Гаоань был настоятелем монастыря в Юньцзи, он всегда, видя того или иного ученика, не постигшего высказанных в частной беседе советов, отводил его в сторону и укорял его самым строгим образом: «Родители лелеяли твое тело, учителя и товарищи формировали твой ум. Тебя не тревожат ни голод, ни холод, тебя обходят стороной призывы на воинскую службу. Если при всем при этом ты не хочешь отдавать все усилия практикованию Пути, то как ты сможешь взглянуть в глаза своим родителям, учителям и товарищам?»

Некоторые ученики плакали, слыша слова пробужденного учителя. Вот насколько строгими и правильными были его принципы.

Истории Цеаня

107.

Личный пример

Когда Гаоань был настоятелем монастыря в Юньцзи, он печалился и горевал всегда, когда слышал о том, что какой-то ученик заболел и его положили в Зал продления жизни, как будто бы болезнь схватывала его самого. Утром и вечером он справлялся о его здоровье и лично грел ему лекарства и готовил кашу, не давая их больному до тех пор, пока не пробовал их сам. Если на дворе было холодно, он растирал ему спину и говорил: «Ты тепло одет?» Когда стояла жара, он вглядывался в лицо больному и спрашивал, не слишком ли ему тепло.

Если, к великому горю, кого-то не удавалось спасти, Гаоань не спрашивал о том, что ученик имел или не имел, а исполнял все погребальные церемонии в той мере, в какой позволяла казна монастыря.

Однажды, когда кто-то из монастырских казначеев отказался выдать деньги на похороны, Гаоань укорил его: «В древности основатель чаньской общины создавал казну для престарелых и немощных. Ты же не болен и не мертв».

Проницательные люди всех сторон света высоко оценивали поведение Гаоаня. Когда он покинул Юньцзи и отправился на гору Тяньтай, около пятидесяти учеников последовали за ним. Те, кто не мог этого сделать, роняли слезы, прощаясь с ним. Вот как глубоко трогала людей его добродетель.

Неофициальная беседа Шаньтана

108. Дом отшельника

Когда Гаоань покинул пост настоятеля Юньзи, наставник Юань хотел отремонтировать Хижину Сидящего Дракона, построенную Фоянем, с тем чтобы Гаоань мог найти там пристанище.

Гаоань сказал: «Если лесной отшельник очарован истиной, телом можно пренебречь. Мне уже семьдесят, и я похож на утреннюю звезду или луну перед рассветом — много ли мне осталось? Среди луских холмов, что в западных горах, где среди лесов из скал бьют источники, есть много мест, где такой старик, как я, может найти себе пристанище. Чтобы наслаждаться всем этим, зачем же мне иметь еще и собственный дом?»

Вскоре он взял свой посох и отправился на священную гору Тянтай, где позднее и умер на Цветочной вершине.

Собрание истинного пастыря

109. Образование

Гаоань сказал:

Нет умных и глупых учеников — все зависит от наставника, облагораживающего их и дающего им возможность раскрыть зачатки добродетели, развить потенциальные способности, помогающего им и вдохновляющего их, позволяющего им придать вес речам, проявляющего заботу о них с тем, чтобы их практикование обрело завершенность. Долгими месяцами и годами их истинная сущность будет раскрываться.

Все люди обладают духовными качествами — дело лишь в умелом руководстве. Это подобно яшме внутри материнской породы — если выбросить ее, то это простой камень, если же достать ее и отполировать, то это — драгоценность. Это также подобно воде источника: прегради ей путь, и она превратится в болото, выпусти ее на простор, и она станет рекой.

Понятно, что в эпоху подражания и остатков учения не просто утрачивается или не используется разум, но и деградирует путь образования и воспитания.

Когда чаньские общины процветали, жившие в них монахи были последними представителями клонившегося к закату века буддийского учения. Те, кто так и остался жить в упадке, были глупцами, а взявшие на себя ответственность за собственное

совершенствование были мудры. Вот почему я говорю, что духом обладает каждый, дело лишь в умелом руководстве.

Поэтому мы знаем и о способностях учеников, и о расцвете и упадке времен, знаем, что они будут подниматься вверх, если их должным образом наставлять, будут расти, если их вдохновлять; но они покатыся вниз, если их подавлять, и вымрут, если ими пренебрегать. Вот принцип либо бессмысленного расточения, либо развития добродетелей и способностей учеников.

Письмо командующему Ли

110.

Великое учение

Гаоань сказал:

Нет ничего более важного для величия наставника, чем добродетель и благопристойность. Если наставник почитает добродетель, ученики будут ценить почитательность и уважение. Если наставник ведет себя благопристойно, ученики будут стыдиться жадности и соперничества.

Если наставник небрежен и теряет лицо, ученики станут насмешливыми и непослушными — большая помеха им. Если наставник вступает в спор и теряет самообладание, ученики начнут ссориться — большая беда для них.

Совершенномудрые прошлого прозревали вещи заранее и выбирали в наставники чаньских общин подлинных рыцарей мудрости, дабы смотрявшие на них люди преобразались даже без обучения.

Вот почему учение о Пути великих подвижников древности процветало, и появлялись выдающиеся люди. Их поведение отличали мягкость и изысканность, гармония, порядок и спокойствие. Такими и должны быть те, чье каждое слово или жест можно считать указующими для последующих поколений.

Письмо

111.

Ожидания

Гаоань сказал:

Мой покойный учитель как-то сказал: «Когда я отправился в путешествие, во многих маленьких храмах, которые я посещал, некоторые вещи оказывались не такими, какими я ожидал их увидеть. Но потом, когда я вспомнил, что великие наставники прошлого встречали своих учителей в местных храмах, и притом совершенно неожиданно и в, казалось бы, неподобающей обстановке, я более не чувствовал себя раздосадованным».

Записи услышанного

112.

Нечего стыдиться

И внутри, и вовне Гаоань был прям и силен. У него был твердый характер, и он всегда придерживался должных манер. В годы ученичества на него неоднократно нападали и клеветали на него, но он не придавал этому значения. Всю свою жизнь он прожил, исполненный простоты и скромности.

Даже в частных беседах он не допускал беспечных замечаний. Если возникали раздоры, он спокойно и прямо улаживал их. Все ученики верили в него и принимали его учение.

Как-то он сказал: «Мое постижение Пути ничуть не лучше, чем у других. Просто я никогда не совершал того, чего могло бы устыдиться мое сердце».

113.

Недоступно пониманию монахов

Когда Гаоань был настоятелем в монастыре Юньцзи, он, видя, как какой-нибудь монах осуждает другого за незначительные ошибки, всегда как бы между прочим увещевал его: «Истина не в этом. Для всех, кто находится в монастыре, есть только два неотложных дела: Путь и самосовершенствование. Как же ты можешь произвольно отдаваться чувствам любви и неприязни и осуждать поступки других людей?» Вот каким внимательным и глубокомысленным он был.

Поначалу наставник Гаоань не хотел принимать пост настоятеля Юньцзи, но старший наставник Фоянь послал ему письмо, в котором убеждал его согласиться. В письме говорилось:

«Юньцзи — главный монастырь в нашей области; там вы сможете решить дела общины и продолжать культивировать Путь. Вам не следует упорно отказываться».

Гаоань сказал: «С тех пор, как появились монастыри, было немало учеников, которые своим именем разрушали нравственность».

Услышав об этом, старший наставник Фочзянь сказал: «Поступки Гаоаня недоступны пониманию монахов».

Записи услышанного

114.

Признаки хорошего управления

Когда наставник Сюэтан возглавлял общину в Цяньфу, как-то он спросил вновь прибывшего ученика, откуда он. Ученик сказал, что он прибыл из Фуцзяни. Сюэтан спросил: «Встречал ли ты по пути хороших наставников?»

Ученик ответил: «Недавно я проходил через одну провинцию, так вот, тамошний наставник Бэнь из Пошани очень хорош, хотя сам я лично и не видел его».

«Как же ты узнал, что он хорош?» — спросил Сюэтан.

Монах сказал: «Когдаходишь в монастырь в той провинции, дорожки там чистые, залы отремонтированы, в святилищах всегда горят лампы и дымит ладан, утром и вечером звуки колокола и барабана точны и ясны, утренние и вечерние каша и рис питательны и без всяких примесей, а монахи, даже занятые делом, предельно вежливы по отношению к людям. Вот почему я решил, что Бэнь — хороший наставник».

Сюэтан улыбнулся и сказал: «Бэнь безусловно мудр, да и ты не лишен глаз». Потом он доложил об этом начальнику округа и добавил: «Я старею, и потому, в надежде на процветание чаньской общины, прошу вас пригласить Бэня на пост настоятеля в Цяньфу».

Анналы Восточного озера

115. Незаметное разрушение

Сюэтан сказал:

Муравьи просачиваются даже сквозь железную стену в тысячу ли длиной. Треснувшая белая яшма теряет красоту. Высший Путь намного превосходит железную преграду и белую яшму, и тем не менее жадность и гнев могут быть сильнее муравьев и трещин.

Главное — это сохранять желание и волю быть правдивым и хладнокровным, и тогда практика будет неустанно улучшаться, стойкость будет твердой и непоколебимой, а совершенствование будет незапятнанным. После этого можно приносить благо себе и другим.

Анналы Восточного озера

116. Железный Фацэ Бин

Сюэтан сказал:

Когда я был настоятелем в Лунмэнь, железный Фацэ Бин возглавлял общину в Тайпине. Кто-то сообщил мне, что, вскоре после того, как Бин прибыл из родных мест, он, впервые собираясь отправиться в странствие, вдруг взял все записи услышанного от учителя и сжег их за одну ночь. В то время, когда бы он ни получал письмо, он бросал его на землю и говорил, что бессмысленно беспокоить умы людей.

Анналы Восточного озера

117. Внутреннее мастерство, внешняя прямота

Сюэтан сказал наставнику Хуайань Гуану:

В детстве я слышал от своего отца такие слова: «Без внутреннего мастерства не сможешь выстоять, без внешней прямоты не сможешь действовать». Эти словам нужно следовать на протяжении всей жизни; в них собрана мудрость совершенномудрых и святых.

Я запомнил эти слова и, еще живя дома, занимался самосовершенствованием. Даже сейчас, когда я возглавляю общину, слова эти словно камень, уравновешивающий тяжелое и легкое, словно циркуль и линейка, определяющие круглое и прямоугольное. Без них все теряет свой порядок.

Обширные записи

118. Обладающий пониманием

Сюэтан сказал:

Когда Гаоань обращался к собравшимся, он всегда говорил: «Среди подчиненных обязательно нужно знать кого-нибудь, кто обладает пониманием». Я спросил его, почему, и он ответил: «Разве вы не читали слова Гуйшаня: “В своих поступках бери пример с тех, кто превосходит тебя, и никогда не следуй покорно за посредственными и грубыми”. Эти слова повторяют все, кто, находясь каждый день в средоточии толпы, не опускаются до ее глупости.

Среди множества людей грубых — большинство, а знающих — меньшинство. Грубыми легко воспользоваться, а знающих нелегко приблизить.

Если сможешь развить свою волю так, что будешь подобен одному, противостоящему тысяче врагов до тех пор, пока грубые привычки не исчезнут, то поистине никто не сможет сравниться с тобой».

Обширные записи

119. Размышление

Сюэтан сказал наставнику Цеаню:

Управляя делами, необходимо взвешивать тяжелое и легкое; прежде, чем произнести слово, следует обдумать и поразмыслить. Стремись придерживаться пути середины и не позволяй себе отклониться.

Поспешность и беспечность редко приводят к успеху. Даже если тебе удастся что-то сделать, ничто не будет полностью завершенным.

Еще в годы ученичества я в полной мере познал благо и вред. Только добродетельные в состоянии двигать людьми посредством великодушия. Я надеюсь, что будущие поколения найдут в себе волю осуществить это. Ведь только это можно считать высшим благом.

Линьюань любил говорить: «Как правило, если люди занимаются только внутренним созерцанием, они способны ясно постичь очень многое, но когда они обращаются к внешним делам, они противятся объединению и утрачивают суть реальности».

Если действительно желаете унаследовать дело пробужденных учителей, я призываю ваших будущих преемников постоянно размышлять о собственных поступках и критиковать себя.

Обширные записи

120. Носящий лоскутное одеяние

Говорят, что когда наставник Иньгань Хуа являл собой образец для подражания всем монахам монастыря Мяого, старший наставник Сюэтан посещал его каждый день.

Некоторые осуждали за это Сюэтана, но он говорил: «Моего духовного племянника Хуа не тревожат мысли ни о выгоде, ни о славе. Он не предпочитает восхваление критике, не идет на соглашательство и уступки ради выгоды, не напускает на себя притворный вид и не использует умные слова. Добавьте к этому то, что он совершенно отчетливо видит Путь и по своему желанию может продвигаться или останавливаться, и вы получите такого человека, носящего лоскутное одеяние, какого трудно отыскать. Вот почему я глубоко почитаю его».

Истории Цеаня

121. Энергия и воля

Сюэтан сказал:

Когда энергия учеников превосходит их волю, они превращаются в маленьких, ничтожных людей. Когда же воля управляет их энергией, они становятся прямыми и искренними людьми. Когда же их энергия и воля уравновешены, они становятся пробужденными совершенномудрыми.

Некоторые люди упрямы в своей враждебности и не внимают никаким увещаниям — это их энергия делает их такими. Прямые и искренние люди, даже если их силой принуждать к совершению злых поступков, сохраняют целостность и постоянство до конца своих дней — это их воля делает их такими.

Обширные записи

122. Преследование

Сюэтан сказал:

Когда Линьюань возглавлял монашескую общину в Тайпине, он подвергся несправедливому преследованию со стороны одного чиновника. Линьюань написал письмо нашему покойному наставнику Уизу, в котором говорилось: «Для меня становится невозможным неуклонно и прямо осуществлять Путь, а я не желаю быть согнутым наставником. Для меня лучше предаваться свободному созерцанию среди тысячи скал и десяти тысяч ущелий, питаясь каждый день соломой и просом, и так провести остаток своих дней. О чем еще беспокоиться?»

Не прошло и десяти дней, как Линьюань получил петицию с просьбой возглавить общину в Хуанлуэ. Он воспользовался этой возможностью и отправился в путь.

*Записи услышанного
наставником Тинем*

123. Человеческие фигуры

Сюэтан сказал:

Линьюань любил классифицировать посредственных людей с помощью сравнений. Он цитировал древнее высказывание: «Это подобно созданию человеческих фигур из глины и дерева. Когда человеческую фигуру вырезают из дерева, нос и уши сначала должны быть большими, а рот и глаза маленькими, дабы мастер мог исправить свою ошибку. Раз нос и уши большие, их можно сделать маленькими, а раз глаза и рот маленькие, их можно сделать большими.

Когда человеческую фигуру лепят из глины, уши и нос сначала должны быть маленькими, а глаза и рот — большими. Поэтому, если скульптор допускает ошибку, маленькие уши и нос можно увеличить, а большие глаза и рот уменьшить».

Линьюань сказал: «Эти слова могут показаться банальными, но их можно применить и к возвышенным вешам. Если ученики, совершая, под воздействием обстоятельств, выбор, не поленятся “обдумать его трижды”, то после этого их можно назвать по-настоящему искренними людьми».

Записи услышанного

124. Свободная жизнь

Сюэтан сказал:

Ваньянь сопровождал Гаоаня на священную гору Тяньтай. Когда они вернулись, Ваньянь рассказал мне, что там находился наставник Дэгуань, живший в затворничестве в скале тридцать лет, за которые его тень так ни разу и не показывалась на горе. Господин Лун Сюэтань, уездный чиновник, практикующий чань, послал Дэгуаню специальное приглашение занять пост настоятеля монастыря Жуйянь, но Дэгуань отклонил предложение следующими стихами:

Один тридцать лет, затворены двери,
Как может письмо посла достичь
зеленой вершины?

Не пытайтесь заставить меня
променять на пустыки мира
Свободную жизнь в лесу.

Приглашение посылалось повторно, но Дэгуань так и не отправился в монастырь. Господин Лун восхищался им и сравнил его с Иньшанем, знаменитым отшельником прошлого.

Ваньянь сказал также, что один старик еще помнил слова Дэгуаня: «Не постигать Путь, восхищаться видимыми объектами, обладать сердцем волка и умом лисицы, льстить людям и обманывать их, гоняться за славой и преследовать выгоду, отворачиваться от истинного, следовать за ложным,

отворачиваться от пробуждения и предаваться брэнному — люди Пути, лесные отшельники не делают этого».

Истории

125. Богатый и знатный

Сюзтан родился в богатом и знатном доме, но не обладал в толикой надменности и высокомерия. Он вел себя скромно и сдержанно, отличался изысканными манерами и не беспокоился о материальных вещах.

Как-то Сюзтану подарили железное зеркало, но Сюзтан отдал его со словами: «Ручей в долине достаточно чист, для того чтобы в нем отразился даже волос, — для чего же мне это зеркало?»

Биография

126. Знающие и незнающие

Сюэтан был гуманным и сострадательным, искренним и человеколюбивым. Он почитал мудрых и превозносил способных. Он редко шутил или произносил мирские слова. Однако он не был ни горделивым, ни недоступным, никогда не совершал грубых поступков и не выходил из себя. В своих деяниях он сохранял твердость и чистоту.

Как-то он сказал: «Когда древние постигали Путь, они не отвлекались на внешние вещи и отказывались от привычных устремлений, пока в своем развитии они не достигали такой точки, за которой забываются авторитет и ранги, и покидали царство звуков и форм. Даже без обучения они имели способности.

Ныне ученики напрягают весь свой ум, но в конце концов оказываются беспомощными. Почему это происходит? Если воля не тверда, а цели не сплавлены воедино, ты так и останешься незнающим».

Биография

127. Я и другие

Наставник Сысинь сообщал:

Как-то Юаньтун Сю сказал: «Если не можешь быть прямым сам, но желаешь сделать прямыми других, это называется падением добродетели. Если не в состоянии быть почтительным сам, но желаешь видеть почтительными других, это называется нарушением благопристойности. Если наставник отступает от добродетели и идет против благопристойности, то на что же он может опереться в утверждении основ и принципов в будущем?»

Письмо Линьюаню

128. Не выдвигать вперед

Сысинь сказал ученику-мирянину Чэнь Жунчжуну:

Если желаешь искать Великий Путь, прежде всего выправи свое сердце. Если не избавился от гнева, не сможешь выправить сердце, если тебя гложет жажда чего-либо, то также не сможешь выправить сердце.

Впрочем, кто, кроме святых и совершенномудрых, был способен освободиться от любви и ненависти, от радости и гнева? Тебе же достаточно лишь не выдвигать их вперед, дабы они не вредили исправлению — и это уже можно счесть достижением.

Обширные записи

129. Кратчайшее расстояние

Сысинь сказал:

В основе кратчайшего расстояния к вратам Пути лежат умеренность и самоограничение. Я вижу множество учеников со взбудораженными умами и запинаящимися языками, жаждущих наследовать древним, но, когда я ишу того, кто бы мог соблюсти умеренность и ограничивать себя, я не нахожу и одного такого из десяти тысяч. Они похожи на тех сыновей из образованных семей, что не желают читать книг, но хотят стать чиновниками — даже маленький мальчик из конфуцианской семьи знает, что это невозможно.

Обширные записи

130. Искренность и надежность

Сысинь сказал Цаотану:

Для управления людьми первостепенное значение имеют искренность и надежность в словах и делах. Если слова твои искренни и им можно доверять, они произведут глубокое впечатление. Если слова твои неискренни или если им не верят, они не затронут людских сердец.

Неискренние слова и не заслуживающие доверия поступки нетерпимы даже в повседневной мирской жизни, ибо люди презирают такого человека — что уж говорить о наставнике монашеской общины, проповедующем учение пробужденных. Если твои слова и поступки лишены искренности и надежности, кто в Поднебесной последует за тобой?

Подлинные записи Хуанлуна

131. Материальное и Путь

Сысинь сказал:

Поиск выгоды не имеет ничего общего с Путем, поиск Пути несовместим с выгодой. И дело здесь не в том, что древние не смогли примирить их, просто их движущие силы различны.

Если бы стремление к выгоде и поиск Пути шли рядом, зачем бы тогда древние отказывались от богатства и положения, забывали о достижениях и славе, умерщвляли тела и сердца в пустынных горах и непролазных топях, пили воду из ручьев и ели плоды деревьев на протяжении всей жизни?

Если утверждать, что можно преследовать выгоду и постигать Путь, не давая им пересечься, то это подобно держанию протекающей чаши с вином над стоящим на огне котелком — так ты никогда не спасешься.

Письмо

132. Беспристрастие

Говорят, когда наставник Сысинь возглавлял общину монастыря Цуйюань, он услышал, что наставник Цзяофань бы приговорен к высылке из Срединного государства, и, направляясь к месту ссылки на южный остров Хайнань, он должен был пройти через Цуйюань. Сысинь отправил навстречу ему группу монахов, пригласил его в монастырь и в течение нескольких дней сердечно общивал его как дорогого гостя, после чего проводил его с явной неохотой.

Некоторые, вспомнив, что прежде Сысинь критиковал Цзяофаня, обвинили его в непоследовательности. Но Сысинь сказал: «Цзяофань — один из самых добродетельных из тех, что носят лоскутное одеяние. В прошлом я порой прибегал к излишним словам, дабы бороться с показным восхвалением его достоинств. Теперь он оказался замешанным в дурную историю — что ж, таков его удел. Я встретил его согласно обычным правилам чаньской общины».

Знающие люди говорят, что Сысинь поступил так, ибо не знал пристрастия в отношениях с людьми.

Записи Западной горы

133. Природа

Сысинь сказал Цаотану:

Мой покойный учитель Хуэитан говорил: «Открытость и приветливость заложены в людях от природы — если попытаешься взрастить их в себе силой, они не задержаться надолго. К тому, кто силен, но нетерпелив, низкие людишки будут относиться с презрением и насмешкой.

Точно так же природой заложены лживость и правдивость, добро и зло, и ничего здесь не изменить. Заводить себе друзей и учиться можно только у тех людей, которые обладают уравновешенной природой и могут иметь дело и с высшими, и с низшими».

Подлинные записи

134. Чувства

Наставник Цаотан Цин сказал:

Огонь, сжигающий луг, начинается с маленькой искорки; река, разрушающая гору, подтачивает ее капля за каплей. Земляная преграда может остановить малое количество воды, но широкий поток выворачивает с корнем деревья, переворачивает огромные валуны и смывает холмы. Искру огня можно потушить чашкой воды, но разбушевавшийся огонь пожирает города, деревни и горные леса.

Разве иначе обстоит дело с водой чувств и привязанностей и огнем злобы и гнева?

Когда люди прошлого управляли своим сознанием, они пресекали мысли еще прежде, чем те возникали, подавляли чувства еще прежде, чем те давали ростки. Вот почему они затрачивали так мало энергии, но пожинали при этом такие богатые плоды.

Когда чувства и природа мешают друг другу, а любовь и ненависть перемешиваются и вступают в противостояние, тогда внутри ты повредишь себе, а вовне — другим. Как велика эта опасность, ничто не спасет от нее!

Письмо

135. Распознавание чувств

Цаотан сказал:

Самое главное в управлении людьми — это внимательно следить за состоянием людей и досконально знать их всех, как высших, так и низших. Более ничего не нужно.

Если глубоко понимаешь внутреннее состояние людей, тогда внутреннее и внешнее пребывают в гармонии. Если высшие и низшие находят общий язык, все дела содержатся в порядке. Вот как можно сделать управление безопасным.

Если наставник не оценивает ежеминутно психологию людей, а чувства низших неизвестны высшим, тогда верхи и низы противостоят друг другу, и в делах наступает хаос. Вот путь крушения управления.

Может случиться так, что наставник злоупотребляет внешним блеском и часто придерживается предубежденных взглядов, не может понять чувства людей, пренебрегает советом общины, придает слишком много значения собственному авторитету, не обращает внимания на общественное мнение и продвигает своих любимчиков — все это приводит к тому, что дорога к добру становится все уже и уже, а путь ответственности за людей — все незаметнее и незаметнее.

Такие наставники заранее отвергают все, что бы они ни видели или ни слышали, двигаются по наезженной колее, к которой они привыкли и которая

скрывает от них истинное положение вещей. Надеяться на то, что руководство таких наставников окажется полезным и далеко идущим — все равно что отступить назад, пытаясь идти вперед.

Письмо Шаньтану

136.

Естественный выбор

Цаотан сказал наставнику Жу:

Мой покойный учитель Хуэйтан говорил: «В большой общине добродетельные и порочные благодаря величию учения находятся вместе; поэтому невозможно не приближать одних и не избегать других. Все зависит от умелого выбора».

Людей способных и добродетельных, оправдывающих ожидания общины, не следует отдалять из чувства личной неприязни. И наоборот, людей, ничем особенным не отличающихся, которых община не любит, не следует приближать из личных соображений. И тогда добродетельные сами собой выдвинутся, а порочные — сами собой исчезнут, и в общине воцарятся порядок и спокойствие.

Если наставник дает волю своим чувствам и в назначении и смещении руководствуется только любовью или неприязнью к тем или иным людям, добродетельные устроятся и будут молчать, а порочные будут лезть из кожи вон, соревнуясь друг с другом. И тогда установления общины будут нарушены, и община придет в упадок.

Поистине, выбор — одно из самых главных дел наставника. Если он сможет искренне обдумать это и осуществить, то находящиеся рядом с ним возрадуются, а живущие далеко будут рассказывать об

этом. Какое тогда может быть беспокойство о том, что Пути не следуют или что ученики не приходят?

Надпись на камне в Сушани

137.

Препятствовать клевете

Цаотан сказал:

В делах управления нет ничего особенного — необходимо лишь воспрепятствовать злу клеветы и неограниченной власти. Не поддавайся на то, что услышишь в первую очередь, и тогда раболепие ничтожных людишек, ищущих милостей, не смутит тебя.

В конце концов, чувства у каждого человека свои, и очень трудно постичь подлинные причины чего бы то ни было. Вначале внимательно рассмотри то или иное дело — принесет ли оно благо или пользу, подходит ли оно, нужно ли оно или нет. И только затем можешь осуществлять его.

Подлинные записи из Сушани

138.

Объективность

Цаотан сказал Шаньтану:

Во всех делах, когда неясно, что правильно, а что неправильно, необходимо соблюдать осторожность. Если правильное и неправильное очевидны, полагайся на доводы разума, подумай, где кроется истина, и решай без колебаний и сомнений. И тогда тебя не смутят и не собьют с пути ни клевета, ни сильные доводы.

Анналы Чистого источника

139.

Путь от сердца к сердцу

Шаньтан сказал:

Змеи и тигры — не враги канюкам и стервятникам; канюки и стервятники следуют за ними и хрипло кричат. Почему? Да потому, что у них злобное сердце. Сороки и галки не ведут за собой коров и свиней; они собираются в стаи и садятся на них. Почему? Да потому, что в их сердце отсутствует злоба.

Однажды в старину один чаньский наставник посетил отшельника и увидел, что тот поставил на стол недоваренный рис. Наставник спросил: «Почему вороны улетают прочь? как только завидят человека?» Отшельник не знал, что ответить, и в конце концов задал тот же вопрос наставнику. Наставник сказал: «Потому что у меня все еще сердце убийцы».

Поэтому того, кто подозревает других, остальные тоже подозревают; того, кто забывает о людях, люди тоже забывают. Древние, жившие среди змей и тигров, хорошо понимали этот принцип. Один из них как-то сказал: «Вол, сделанный из железа, не боится рыка льва — это подобно дурачку, смотрящему на цветы и птиц». Его слова проникают в самую суть принципа.

Письмо мирянину

140. Управление

Шаньтан писал высокому государственному сановнику:

Главное правило управления подчиненными заключается в том, чтобы благосклонность к людям не была чрезмерной, ибо когда она чрезмерна, люди становятся надменными. И власть не должна быть слишком суровой, ибо когда она слишком сурова, в людях растет возмущение.

Если хочешь благосклонности без надменности и власти без возмущения, то благосклонным нужно быть к тем, кто этого заслуживает; ни в коем случае нельзя проявлять благосклонность произвольно. Власть следует показывать тогда, когда совершаются ошибки; не следует злоупотреблять властью в отношении тех, кто не совершил преступления.

И тогда даже при безграничной благосклонности люди не станут надменными; даже при суровой власти люди не будут роптать.

Если же, наоборот, щедро вознаграждать тех, чьи заслуги не стоят возвышения, и сурово наказывать тех, чье проступки не стоят осуждения, то в конце концов благодаря ничтожным людишкам возникнут и надменность, и возмущение.

Письмо главному министру Чжану

141. Середина

Шаньтан сказал:

Путь пробужденного не простирается далее обнаружения середины. Превысить середину — значит сойти с пути и совершить большую ошибку. Отнюдь не весь мир готов удовлетворить желания одного человека, так что стремиться к исполнению своих желаний значит ввергать себя в хаос и беду.

Многие люди прошлого и настоящего отличались неумеренностью и неосмотрительностью, тем самым часто приводя себя к краю гибели. Кто же тогда свободен от крайностей? Только исполненные мудрости и просветленности неустанно препятствуют им; их достоинства превозносятся как совершенные.

Письмо мирянину

142. Спокойствие посреди несчастий

Спасаясь от напастей войны 1130-х годов, чаньский наставник Шаньтан вместе с главным министром Хань Цзыцаном, чаньским наставником Ваньянем и одним-двумя учениками бежал в Юньмэнь. Господин Хань спросил Ваньяня: «Недавно я узнал, что вас захватили солдаты вождя мятежников Ли Чэна. Как же вам удалось вырваться на свободу?»

Ваньянь сказал: «Меня поймали и связали, много дней я голодал и мерз от холода и уже смирился с мыслью, что мне придется умереть. Но в одну из ночей начался такой сильный снегопад, что он просто засыпал дом, в котором нас держали. Стены дома не выдержали и рухнули. В ту ночь смогли убежать сто с лишним человек».

Господин Хань спросил: «Когда вас схватили, как вы это восприняли?»

Ваньянь промолчал. Господин Хань повторил свой вопрос и настоял, чтобы Ваньянь дал ответ.

Тогда Ваньянь сказал: «О чем тут говорить? Мы постигаем Путь: мы предпочитаем должное пище, у нас только одна смерть. Чего же нам бояться?»

Господин Хань кивнул в знак согласия.

Наши предшественники сохраняли несокрушимую волю даже перед лицом смерти и посреди мирских бедствий.

Собрание подлинного пастыря

143. Кого выбрать?

Когда чаньский наставник Шаньтан сложил с себя полномочия настоятеля монастыря Байчжан, он сказал чиновнику Хань Цзыцану следующее:

Те, кто выдвигался в прошлые времена, обладали добродетелью и чувством долга. Вот почему они отправлялись только после третьего приглашения, а расставались, простившись только раз.

Из тех, кто выдвигается сегодня, только обладающих силой, знающих, когда идти вперед, а когда отступить, не утратив правильного пути, можно назвать мудрыми наставниками.

Записи услышанного

144. Беспристрастность

Шаньтан сказал Еаню:

Наставник должен быть беспристрастным. Исполняя дела, не считай исходящее от тебя самого обязательно правильным, а исходящее от других — обязательно неправильным. Тогда в сознании не будет возникать причин любви и нелюбви по отношению к различию и сходству. И путь для невежественного самоупоения и нелепых предрассудков будет закрыт.

Собрание из Призрачной хижины

145. Пример

Мяоси сказал:

Древние, видя добро, всегда принимали его, а, совершая ошибку, непременно исправляли ее. Следуя добродетели и культивируя гармонию, они стремились к спасению и старались избегать ошибок. Ничто не вызывало большей тревоги, чем незнание собственных недостатков, ничто не доставляло им большую радость, чем узнавание о своих просчетах.

Были древние такими вследствие недостатка понимания или омраченности восприятия? На самом деле тем самым они предупреждали последующие поколения об опасности возвеличивания себя и принижения других.

Для расширения общины, в которую приходят люди со всех сторон света, недостаточно усилий одного человека — для этого необходима помощь ушей, глаз и мыслей друзей, дабы правильное было постигнуто полностью, а чувства и настроения людей — поняты до конца.

Если человек, занимающий высокий пост, слишком серьезно относится к самому себе, привередлив к незначительным делам, но пренебрежителен к общине в целом, не знает, кто мудр, а кто плох, не изменяет неправильного, не следует правильному, поступает так, как ему вздумается, без всякой почтительности — во всем этом источник грядущих бед. Как можно не остерегаться?

Если случится так, что среди собственных друзей не окажется достойного человека, с которым можно было бы посоветоваться, следует брать пример с совершенномудрых прошлого. Если будешь затыкать рот всем, никогда не дашь «ста рекам стать океаном».

Письмо наставнику Бао

146.

Претенденты

Мяоси сказал:

При выборе наставников для управления общинами необходимо выдвигать тех, кто следует Пути, спокоен и скромно, кто, будучи назначенным на пост, укрепит свою волю и прямоту, кто не подорвет благосостояние общины несмотря ни на какие беды, кто будет совершенствовать ее, кто способен стать наставником и учителем, спасающим нынешний век от упадка.

Что касается лукавых и хитрых интриганов, не имеющих чувства стыда, которые умеют только льстить и домогаться власти и ищут себе покровителей в богатых и знатных семьях, то за что же выдвигать их?

Письмо Чжу-аню

147. Здравый смысл

Мяоси сказал ученику-мирянину Чаожаню:

Во всей Поднебесной нельзя отказаться только от одного — от здравого смысла. Даже если к здоровому смыслу не прислушиваются и не следуют ему, какой ему от этого вред?

Вот почему, когда истинно пробужденного выбирают на пост наставника духовной общины, все видящие и слышащие ликуют и превозносят выбор. Если же им становится недостойный, люди горько оплакивают выбор.

В действительности же все дело только в том, прислушивались ли к здоровому смыслу или нет. По этому можно сделать вывод о том, будет чаньская община процветать или же придет в упадок.

Собрание Кэаня

148. Ошибочное восприятие

Мяоси сказал:

Древние прежде всего выдвигали пробужденных и добродетельных, а затем рекомендовали способных и знающих.

Если того, кто не является благим сосудом, поставить над остальными людьми, большинство видящих и слышащих будут презирать его, и тогда монахи будут думать об очищении своего имени и утверждении собственных заслуг.

В последнее время чаньские общины приходят в упадок из-за того, что ученики не обращают внимания на добродетели Пути и лишены прямоты и гуманности. Они клеветуют на чистых и честных, называя их грубыми простаками, и превозносят говорливых бездарей, считая их остроумными.

Как следствие, восприятие вновь пришедших замутняется. Подражая и стремясь к выгоде, они занимаются охотой и рыбной ловлей, дабы снизить себе славу и услышать красноречивые слова. Со временем они все глубже и глубже погрязают в этом, и вот уже возникает дурная склонность. Когда говоришь с ними о Пути совершенномудрых, они ничего не понимают и как будто смотрят в стену. Таким людям уже почти невозможно помочь.

Письмо Цзыцаню

149. Анналы

Мяоси сказал:

Когда-то Хуэйтан написал в анналах Хуанлуна следующее: «Постигавшие Путь в древние времена жили на скалах и в пещерах, ели корни и плоды диких деревьев, прикрывались шкурами и листьями. Их не беспокоили мысли ни о выгоде, ни о славе, они никогда не польшались на государственные должности.

Начиная с династий Вэй, Цзинь, Ци, Лян, Суй и Тан (III–IX вв.), когда начали появляться храмы для учеников, приходивших со всех сторон света, добрых выбирали, чтобы они сдерживали порочных, мудрых выдвигали, чтобы они вели за собой недалеких и обманутых. Поэтому гость и хозяин знали каждый свое место, а верх и низ четко различались.

Ныне, когда в одной обители собираются люди со всех сторон света, бремя руководства ими истине нелегко. Необходимо объединить великих и убрать ничтожных, поставить на первое место срочные дела и отложить второстепенные, не плести интриги, не замыкаться на себе и помогать другим. Все это отличается от эгоистических побуждений так же, как небо от земли.

Теперь имена многих поколений наставников обители Хуанлун будут вырезать на камне, дабы те, кто в последующем придет сюда, могли увидеть

их и сказать, кто обладал добродетелями, кто был гуманен и справедлив, кто был честен с людьми, а кто заботился о собственной выгоде.

Разве этого можно не остерегаться?»

Надпись на камне

150.

Качества претендентов

Государственный министр Чжан Цзышао сказал Мяоси:

На пост главы собрания следует выбирать добродетельных и мудрых, но ныне во многих местах вопрос о том, хорош или плох человек, даже не стоит. Все используют пост как еще одну ступеньку в удовлетворении собственных устремлений. В этом есть доля вины и наставников общин.

Ныне, в век подражательства, трудно отыскать на этот пост подходящего человека. Если выбирать тех, кто практикует чуть лучше, чья добродетель чуть полнее, кто скромнее и прямее, то все-таки это будет чуть лучше, чем выбирать тех, кто, не обращая внимания ни на что, лезет вперед.

Собрание Кэаня

151.

Разделение обязанностей

Мяоси сказал:

Когда добродетельные древности возглавляли чаньские общины, они не управляли всеми делами единолично, но распределяли их среди монастырских чиновников. Ныне настоятели чаньских монастырей приписывают себе выдающиеся способности и власть, встречаются во все большие и малые дела самостоятельно, в то время как у монастырских чиновников — лишь пустые названия должностей.

Если хочешь управлять делами целой общины посредством способностей только одного человека и при этом извещать обо всем людям и неукобно поддерживать порядок, то разве это не будет трудно?

Письмо Шаньтану

Изгнание наставника

Ваньянь сказал:

Когда наш покойный учитель Мяоси начал проповедовать в Цзиншани, как-то во время вечерней беседы, на которую собрались монахи, он заговорил о том, как в разных местах осуществлялось учение чань. Как только он дошел до учения умирающей чаньской школы Цаодун, его было просто не остановить.

На следующий день глава собрания Инь, принадлежавший к школе Цаодун, сказал наставнику: «Помогать людям — серьезное дело. Для этого необходимо возродить к жизни духовное учение, оберегать его от упадка, в котором оно может оказаться, не гнаться за сиюминутными удобствами. Даже будучи просто последователем чань, обсуждая различных учителей прошлого нельзя действовать произвольно, тем менее позволительно такое тому, кто является наставником общины».

Наставник сказал: «Вчерашний разговор был просто случайностью».

Глава собрания сказал: «Постижение святых и совершенномудрых основано на природе — как можно пренебрежительно относиться к нему?»

Учитель кивнул головой и извинился, но глава собрания все никак не мог успокоиться и продолжал говорить.

Потом, когда нашего покойного учителя Мяоси изгнали, слуга переписал приказ о его ссылке и прикрепил его перед главным залом. Монахи рыдали и причитали, как потерявшие родителей люди, горько сетовали на судьбу, будучи не в силах сдерживать свои чувства. Глава собрания Инь отправился в их покои и сказал им: «Бед и несчастий человеческой жизни еще никому не удавалось избежать. Если бы Мяоси был всю свою жизнь покорным слугой, гнался бы за рангами и должностями, не открывал бы рта ни по какому поводу, конечно, его бы не отправили в ссылку. Но стоит ли напоминать вам, что совершенномудрые прошлого не ограничивались только этим. К чему удручаться? В прошлом несколько искренне преданных учеников объединились в отряд, чтобы увидеть великого учителя Фэньяна; в то время на северо-западе шла война, поэтому они сменили одежду и перемешались с воинами, и все только для того, чтобы встретиться с Фэньяном. Мяоси же сослан не так уж далеко от нас; на пути к нему нет ни непроходимых ущелий и пропастей, ни неприступных гор, ни глубоких рек — если вы захотите увидеться с Мяоси, то какие к этому препятствия?»

Услышав его слова, монахи замолчали. На следующий день они один за одним покинули монастырь.

Собрание «Лес мудрости» Лушани

153. Критика

Ваньянь сказал:

Когда мой покойный учитель Мяоси отправился в ссылку, среди учеников находились такие, кто тайно критиковали его. Глава собрания Инь сказал: «В целом, обсуждая людей и критикуя их, старайся найти такие случаи, в которых даже совершающие ошибки не допускают просчетов — как же можно считать виновными невиновных? Если не всматриваешься в сердца людей, а просто сомневаешься в их поступках, какая от этого польза для нашей общины?»

Добродетель и способности Мяоси идут от природы. В поведении и манерах он всегда следует правильному и должному, в мыслях и суждениях он безусловно превосходит остальных. Если теперь Небо ниспровергает его, значит, на то есть какая-то причина; откуда нам знать, не станет ли это в какой-нибудь из дней благом для учения?»

Слышавшие его слова прекратили критиковать наставника.

Собрание «Лес мудрости»

154. Безопасность общины

Глава собрания Инь сказал Ваньяню:

Наставник должен очищать сознание и сердце и принимать людей со всех сторон света с безукоризненной беспристрастностью и справедливостью.

Если среди них находится добродетельный, гуманный, справедливый и постигший Путь, его надлежит выдвинуть, даже если он твой враг.

Если же человек нечестен и ненавидит людей, отстрани его как можно дальше, даже если лично обязан ему.

И тогда все приходящие будут твердо знать, чего придерживаться, будут руководствоваться одними принципами и следовать одной добродетели. Тогда община будет в безопасности.

Письмо Мяоси

155. Процветание общины

Глава собрания Инь сказал:

Немногие наставники способны добиться процветания общины. И все потому, что в большинстве своем они забывают об истине и добродетели и пренебрегают человеколюбием и долгом, отказываются от установлений Дхармы и руководствуются личными пристрастиями.

Понимая причины упадка и исчезновения школ, необходимо быть твердым, но снисходительным, выбирать себе в помощники мудрых и добрых, почитать высокодобродетельных, отдалять от себя ничтожных, умеренностью и скромностью совершенствовать свою волю и осенять своей добродетелью других.

После этого внимательно посмотри на тех, кого выбрал себе в помощники: оставь наиболее зрелых и уברי лъстивых клеветников. И тогда в общине не будет ни злословья и испорченности, ни раскола на клики.

Собрание «Лес мудрости»

156. Несчастья

Глава собрания Инь сказал:

Совершенномудрые прошлого настораживались, если несчастья обходили их стороной: «Неужели Небо позабыло о недостойных?»

Кто-то из мудрецов сказал: «Только святого несчастья могут миновать и внутри, и вовне. Если же ты не святой, то, когда вовне царит спокойствие, следует обеспокоиться внутри».

Мудрые и понимающие люди знают, что несчастий избежать невозможно, поэтому они с самого начала чрезвычайно внимательны к тому, чтобы обезопасить себя от них.

Поэтому, если жизнь полна беспокойств и тяжелого труда, это может обернуться счастьем. В конце концов, беды и несчастья, клевета и позор не миновали даже совершенномудрых правителей древности, чего уж говорить об остальных.

Письмо Мяоси

157. Загадки

Ваньянь сказал:

В последнее время в чаньских общинах нет зрелых людей. Куда бы вы ни отправились, везде вы найдете сотни людей — наставника и его ближайших помощников. Один из них носит титул духовного властителя и регалии, но на самом деле они дурачат друг друга. Даже если шарлатаны выступают с речами, их слова не основаны на сутрах. Вот как обстоит дело — зрелых людей нет.

Пока человек не очистил сознание, не пришел к его основам, пока он не действует в соответствии с пониманием, как он может претендовать на проповедование учения Будды? Это подобно тому, как если бы какой-нибудь самозванец вдруг провозгласил себя императором — но тем самым он добился бы только своей скорой смерти. Власть духовная гораздо глубже власти мирской — ее нельзя принимать на себя произвольно.

Совершенномудрые все дальше уходят от нас, в то время как самонадеянно убежденных в собственной правоте с каждым днем все больше и больше; из-за них учение совершенномудрых прошлого дня ото дня приходит в упадок. Как горестно вздыхал Конфуций: «Я хотел бы ничего не говорить, но могу ли я?»

Я указал на одну-две вещи, которые наносят наилучший вред Пути и уничтожают учение. Я сделал

это для того, чтобы чаньские общины знали о них, чтобы молодое поколение видело, как отчаянно боролись и не покладая рук трудились их предшественники, с мыслями о великом учении в сердце, словно ступая по тонкому льду, боролись, не помышляя о почестях и выгоде.

Если понимающие укорят меня за это, мне нечего сказать им.

Собрание «Лес мудрости»

158. Вельможи и чаньские наставники

Ваньянь сказал:

Недавно я видел, как знатные вельможи, провинциальные инспекторы и губернаторы съезжаются в затерянные в горах монастыри и исполняют свои дела, и тогда на следующий день приказал слуге передать настоятелю чаньского монастыря следующее: «Сегодня вам надлежит выступить с речью перед таким-то и таким-то чиновником». Это требует размышления.

Хотя подобные случаи зафиксированы летописями с древних времен, всегда дело обстояло так, что вельможа приходил к наставнику, а чаньский учитель, воспользовавшись случаем, кратко говорил о покровительстве учению извне и прославлении природы.

Если вельможи становились учениками, чаньские наставники рассказывали несколько популярных историй, дабы посеять зерна почтения в их сердцах. В истории есть немало примеров того, как вельможи-конфуцианцы искали наставления у чаньских учителей — неужели можно полагать, что они поступали в высшей степени неразумно, навлекая на себя усмешки знающих людей?

159. Упоение властью

Ваньянь сказал:

Когда древние хотели провести беседу, они прежде подавали какой-нибудь знак, и каждого человека до глубины души затрагивало величие жизни и смерти; на беседу приходили все, полные страстного желания разрешить сомнения и определить, что есть что.

Ныне же мы часто видим, как наставники общин заставляют каждого являться к ним и в личной беседе изъявлять свою покорность, даже не обращая внимания на то, что человек может быть уже в преклонном возрасте или оказаться больным.

Мускус сам по себе источает аромат — к чему оповещать об этом? Своим поведением нынешние наставники разделяют людей, и те не чувствуют себя свободно. Им следует подумать об этом.

160.

История чань

Ваньань сказал:

Основатель чань передал своим последователям учение и одеяние. Через шесть поколений одеяние перестали передавать. Тех, чьи поступки и понимание соответствовали, из поколения в поколение выбирали продолжателями дела школы. Путь чань засиял во всем своем блеске, и число последователей неуклонно множилось.

После шестого чаньского патриарха подлинными наследниками были великие наставники Шитоу и Машу. Глубокие слова и возвышенные речи этих двух великих людей передавали из уст в уста по всей Поднебесной, и время от времени находились те, кто постигал их сокрытый смысл.

Поскольку методов обучения было много, перед учениками открывались разные пути, и изначальное учение чань распалось на пять; но круглый ли или прямоугольный сосуд, сушность воды в нем остается неизменной. Каждая школа славилась отменной репутацией и самоотверженно несла свое учение людям. Чаньских общин возникало множество, и тому были причины.

Отныне общины откликались на идеи друг друга и истолковывали их, выявляя неведомое и открывая тайны, иногда отвергая что-то, иногда принимая, способствуя тем самым делу учения. Высказывания их были безвкусными, как постный суп или

сваренный без приправ рис, и предназначались они для того, чтобы последующие поколения обдумывали их.

Практика, возникшая в ту пору, получила название «воспитания древних». Начало сочинению стихов на древние сюжеты положил Фэньян. Немного позднее стихи широко распространились благодаря Сюэдоу, который открыл их потайной смысл во всей его безграничности.

Авторы, которые шли за Сюэдоу, подражали ему, не утруждая себя вопросами пробуждения и добродетели, но зато стремились к яркости и свежести литературного стиля, из-за чего ученики последующих поколений уже не могли видеть завешания древних во всей его первоначальной чистоте и цельности.

Я посетил много чаньских общин и видел среди моих предшественников таких, кто не читал ничего, кроме речей древних, и не практиковал ничего, кроме изначальных чистых установлений чаньских общин. Вы думаете, дело в том, что они так любят древность? Отнюдь нет, просто среди нынешних людей нет примеров для подражания. Я возлагаю надежды на глубоких и понимающих людей, которые поймут меня без всяких слов.

161.

Плохие привычки

Ваньянь сказал:

Ныне мы видим немало учеников, которые цепляются за пристрастные взгляды, не понимают состояния людей, обладают неглубокой верой, непокорны, любят льстецов, восхищаются теми, кто следует за ними и отстраняются от тех, кто отличается от них. Даже если они что-то знают или наполовину понимают, плохие привычки заслоняют их знание. Многие стареют, так и не достигнув успехов.

Собрание «Лес мудрости»

162.

Ложное учение

Ваньянь сказал:

Во всех чаньских общинах глубоко пустило корни ложное учение о том, что дисциплина, медитация и знание не нужны, что нет никакой необходимости культивировать добродетель и освободиться от аффектов. Такие взгляды не только приносят огромный вред чаньским общинам сегодня, но и являются настоящим проклятием чаньского учения на десять тысяч поколений.

Обычные люди имеют желания, они любят, ненавидят и жаждут чего-либо, они эгоистичны и невежественны, каждой своей мыслью они прилипают к вещам, как пузыри друг у другу в кипящем котелке. Как их очистить и остудить? Многое из того, о чем думали древние мудрецы, связано с этим. Вот почему они установили в качестве трех основ дисциплину, медитацию и знание, дабы контролировать людей, с тем чтобы они могли исправиться и вернуться к своей подлинной природе.

Ныне молодые ученики не придерживаются предписаний, не практикуют медитацию, не культивируют знание, не совершенствуют добродетель. Они полагаются только на широкую ученость и силу ума, но их поступки просты и грубы, так что путь к исправлению оказывается для них закрытым. Вот что я имею в виду, когда говорю: подобные разго-

воры — проклятие для чаньских общин на десять тысяч поколений.

Только люди возвышенного ума, придерживающиеся правильных принципов, искренние и преданные знанию, прозревшие смысл жизни и смерти, сохраняют чистоту и не совратятся ложным учением. Говорят, что таким разговорам нельзя верить, что они подобны помету ядовитой птицы, подобны воде, выпитой и исторгнутой гадюкой. Плохо даже читать или слышать о них, не говоря уже о том, чтобы проглатывать их, ибо они, без сомнения, губят людей. Знающие люди будут держаться подалеке от них.

Письмо Цаотану

163.

Дары учения

Говорят, что чаньский наставник Ваньань был скромным и аскетичным; он любил неподготовленные беседы и разговоры на общие темы. Среди монахов общины находились такие, кто осуждал его.

Услышав об этом, Ваньань сказал: «Любовь к изысканной пище по утрам и отвращение к грубой трапезе по вечерам — обычное человеческое желание. Если ум ваш занят величественными вопросами жизни и смерти, если вы отыскивали остров спокойствия и одиночества, то вы должны размышлять о том, что ваше практикование Пути еще далеко от совершенства и о том, как далеки вы от времен совершенномудрых. Как можно быть все время озабоченным своими завистливыми устремлениями?»

Собрание истинного пастыря

164. Чаньский наставник

Ваньань был человеколюбив и внимателен и всегда держал себя скромно и сдержанно. Когда бы он ни говорил, слова его были просты, но смысл их простирался далеко. Он много учился и обладал прекрасной памятью. Он приводил любые доводы к завершению, никогда не останавливался и ничему не следовал произвольно.

Если он обсуждал какую-нибудь историю, древнюю ли или современную, те, кто слушал его, словно видели происходящее своими собственными глазами и лично были ее участниками. Ученики любили повторять, что год, проведенный в медитации, был не так полезен, как один день внимания рассказу наставника.

Записи услышанного

165. Царство Будды в этой жизни

Ваньань сказал главе собрания Бяню:

Мой духовный дед Юанью говорил: «Среди нынешней чаньской братии найдется немного преданных и честных, и не найдется ни одного скромного. Вот почему многие конфуцианцы презирают их.

Когда-нибудь и ты не избежишь плохих поступков, так что всегда руководствуйся правилами, не гонись за властью и выгодой и не заискивай перед людьми.

Жизнь, смерть, бедствие, несчастье — пусть они существуют сами по себе, и тогда войдешь в царство Будды, не покидая царства демонов».

Проповеди

166.

Неопрятная одежда

Глава собрания Бянь стал наставником общины и настоятелем монастыря на священной горе Лу. Он всегда носил соломенные сандалии и бамбуковый посох. Как-то он отправился в другой монастырь, и тамошний настоятель, монах по имени Хуньжун, укорил его за его внешний вид: «Учитель — это образец и поводырь для всех остальных; вы же роняете свое достоинство, одеваясь так».

Бянь рассмеялся и сказал: «Люди любят поступать так, как им вздумается. В чем же, в таком случае, моя вина?» Он взял кисть, написал стихотворение и удалился. Стихи гласили:

Не говорите, что я беден:
Когда тело в бедности, Путь процветает.
Соломенные сандалии неистовы, словно тигры,
А посох мой подобен дракону.
Испытывая жажду, я пью воду чань,
Испытывая голод, я ем колючие плоды каштана.
Все люди с головами из бронзы и лбами из железа
Находятся на моей горе.

Прочитав эти стихи, настоятель устыдился.

Собрание Лунной пещеры

167.

Дырявые лодки

Наставник Бянь сказал Хуньжуну:

Изображение дракона не может наслать дождь; нарисованные пироги не утолят голода. Монахи, не обладающие подлинной добродетелью, но опирающиеся вовеки лишь на изысканную заумность, подобны красиво раскрашенным дырявым лодкам — если посадить в них людей и оставить на земле, они будут хорошо смотреться, но стоит только пустить лодки по рекам и озерам, по волнам и ветрам, разве они не окажутся в опасности?

Собрание Лунной пещеры

168.

Личная ответственность

Наставник Бянь сказал:

Так называемый главный учитель проповедует в обители Будды. Вот почему для управления общиной в первую очередь необходимы самоочищение, безукоризненная честность и искренность в исполнении дел и равнодушие к выгоде или потере.

К этому должен стремиться каждый, каждый должен действовать так. Что касается преемственности или других вопросов, то на этот счет испытывали сомнения даже совершенномудрые древности — как же можем мы навязывать что-либо?

Собрание Лунной пещеры

169.

Одинаковая одежда

Наставник Бянь сказал:

Когда Фочжи был настоятелем монастыря Сичань, тамошние монахи стремились носить одинаковую одежду, и только Шуйань, чистый и безмятежный по природе, относился к своему телу с крайней небрежностью. Своей внешностью он выделялся из толпы, но никогда не придавал этому ни малейшего значения.

Фочжи укорил его: «Как можно быть такой белой вороной?»

Шуйань сказал: «Дело не в том, что я не хочу одеваться как все; просто я беден, и у меня нет необходимых средств, чтобы сшить одежду, как у всех. Будь у меня деньги, я бы тоже сделал одно или два прекрасных одеяния, чтобы быть как все. Но, поскольку я нищ, приходится смириться с тем, что есть».

Фочжи рассмеялся. Он знал, что Шуйаня невозможно принудить к чему бы то ни было, и махнул на него рукой.

Собрание Лунной пещеры

170. Дисциплина понимания

Наставник Фочжи сказал:

Быстроногий скакун может лететь, словно ветер, но уздечка и поводья не дадут ему бежать туда, куда ему вздумается. Если маленькие людишки, упрямые и воинственные, не следуют своим чувствам, то только потому, что есть наказания и законы. Если сознание не цепляется за объекты, то в этом проявляется сила понимания.

Если ученики не обладают пониманием и не размышляют, они подобны скакунам без уздечки и поводьев, подобны ничтожным людишкам без законов. С помощью чего они могут тогда положить конец жадности и пристрастиям и подавить ошибочные мысли?

Наставления мирянину

171. Четыре конечности наставника

Фочжи сказал Шуйяно:

У наставника четыре конечности — пробуждение и добродетель, слова и поступки, человеколюбие и справедливость, благопристойность и закон. Пробуждение и добродетель — корень учения; человеколюбие и справедливость — ветви учения. Без корней невозможно устоять, без ветвей не обрести завершенности.

Древние мудрецы видели учеников, которые не могли управлять собой, вот почему они основали общины, чтобы упорядочивать их, и ставили во главе наставников, чтобы направлять их. Поэтому почитание общины — не для наставника, бедность и смирение — не для учеников; все это — для Пути пробуждения.

Вот почему хороший наставник прежде всего почитает пробуждение и добродетель и внимателен к своим словам и поступкам. А чтобы быть учеником, необходимо в первую очередь размышлять о добре и справедливости и следовать благопристойности и закону.

Предназначение наставника — ученики, и без наставника ученики не смогут совершенствоваться. Наставник и ученики — как тело и руки, как голова и ноги. Когда большое и малое находятся

в гармонии и не противостоят друг другу, они двигаются вперед, опираясь друг на друга.

Поэтому сказано: «Ученики поддерживают общины, общины поддерживают добродетель». Если наставник лишен добродетели, община пребывает на грани разрушения.

Подлинные записи

172.

Размышлять о несчастьях

Наставник Шуйань сказал:

В «Книге Перемен» говорится: «Благородный муж думает о несчастьях и предотвращает их». Вот почему люди древности размышляли о великом несчастье рождения и смерти и предотвращали их, опираясь на Путь, пока Путь не стал великим и не утвердился на долгие времена.

Ныне люди полагают, что необъятная даль поиска Пути несовместима с насущной необходимостью богатства и власти. И потому они погрязают в привычках собственной бессмысленной рачительности, рассчитывая все вплоть до кончика волоса, следя за всем, что проходит перед их глазами, и вынашивают в своих сердцах пристрастные устремления.

Понятно, что ничто не может быть их поводом даже в течение одного года, не говоря уже о вопросах жизни и смерти. Вот почему ученики становятся все хуже и хуже день ото дня, общины с каждым днем приходят все в больший упадок, объединяющие принципы с каждой минутой погружаются в пучину забвения, так что скоро они дойдут до такого состояния, из которого их уже не спасти. Мы должны понимать это.

Записи леса

173.

Кратчайший путь

Шуйань сказал:

Когда я странствовал по свету в поисках Пути, однажды во время вечерней беседы я увидел Гаоаня. Он сказал: «К высшему Пути ведет короткая дорога, несовместимая с человеческими аффектами. Нужно лишь сделать сердце прямым, а ум — искренним. Не будьте слугами упрямства и пристрастия. Упрямство близко к обману, а пристрастия нарушают равновесие — как далеки они от высшего Пути».

Я размышлял над его словами, постиг их смысл и решил во что бы то ни стало осуществить их. Затем, когда я встретил Фочжи, который впоследствии стал моим учителем, мое сознание впервые озарилось великим пробуждением. И только тогда я смог жить согласно устремлениям и чаяниям своего жизненного пути.

Письмо Юэтану

174.

Пресекать в зародыше

Шуйань сказал:

Когда Юэтан возглавил чаньскую общину, он взял на себя ответственность за практикование Пути. Он не посылал монахов на поиски пожертвований и не посещал знатных вельмож. Пишу в монастыре готовили из того, что давали монастырские угодыя. Он неуклонно отказывал тем монахам, которые желали отправиться собирать милостыню.

Кто-то спросил его: «Будда завещал странствующим монахам брать свои сумки и побираться для поддержания жизни — как же вы можете останавливать их и запрещать им делать это?»

Юэтан ответил: «Во времена Будды в этом не было ничего предосудительного, но, боюсь, если мы будем поступать так же и сегодня, появятся те, кто будут гнаться за выгодой и даже стремиться к тому, чтобы продать себя».

Я убежден, что желание Юэтана в зародыше пресекать подобные устремления поистине совершенно и прекрасно. Его правдивые слова до сих пор отзываются во мне. Когда я смотрю на сегодняшний день, я вижу: разве мы не пришли к еще более худшему, чем продажа людьми самих себя?

Проповеди

175. Тысяча дней усилий

Шуйань сказал:

Когда добродетельные люди древности управляли людьми, они отдавали все свои силы исполнению Пути, не проявляли ни малейшей нерадивости и ни минуты не потакали собственным пристрастиям. В старые времена великий чаньский наставник Фэньян нередко сетовал на упадок века подражательства, на трудность обучения, на что его знаменитый ученик Цымин как-то заметил: «На самом деле все очень просто — беда лишь в том, что наставники не умеют как следует направлять и людей».

Фэньян сказал: «Древние были чисты, искренни, и при этом проходило двадцать-тридцать лет, прежде чем они достигали успеха».

Цымин сказал: «Это не речи мудрого учителя. Для того, кто должным образом следует Пути, необходима лишь тысяча дней усилий».

Многие не слушали Цымина, считая, что он говорит ерунду.

В тех местах, где служил наставник Фэньян, было очень холодно, поэтому он решил прекратить обычные вечерние беседы. Чужеземный монах сказал Фэньяну (другая версия гласит, что индийский монах явился ему во сне): «В этой общине шесть

великих подвижников — почему же ты не учишь их?»

Не прошло и трех лет, как шестеро учеников Фэньяна пробудились.

Анналы Западного озера

176. Отстраненность

Шуйань сказал:

Ныне мы видим, как в разных местах наставники прибегают ко всяким хитрым уловкам, чтобы управлять своими последователями, а последователи, в свою очередь, служат наставникам, руководствуясь в первую очередь соображениями влияния, власти и выгоды. Наставники и последователи отстранены, верхи и низы дурачат друг друга. Как при этом может совершенствоваться образование и процветать община?

Письмо

177. Пробуждать людей

Шуйань советовал одному из учеников, которого пригласили ко двору:

Чтобы слова твои доходили до сердец людей, необходимо быть прямым и резким. Если слова непрямы и сказаны не к месту, они произведут мало впечатления — кто воспримет их всем сердцем?

В старые времена наш духовный предок Байюнь, отправляя нашего духовного прадеда Уцзу на учительское поприще, так напутствовал его:

«Путь чань в опасности и упадке, как сваленные в кучу яйца. Опасайся небрежности и безответственности. Они только понапрасну отнимают время и, хуже того, принижают высшую добродетель. Будь спокойным и терпимым, выбирай подходящие средства. Помогай людям и думай обо всей общине. Выявляй истинное — ведь ты в неоплатном долгу перед пробужденными и духовными предками».

Кто не проникнется такими словами?

Тебя вызвали для того, чтобы ты выступил с проповедью при дворе императора. Это в высшей степени благоприятно для учения. Оставайся скромным и почитай Путь, думай о помощи людям и их спасении. Не иссушай себя гордыней.

С глубокой древности совершенномудрых отличали скромность и мягкость, почтительность

и предупредительность. Они сохраняли себя совершенной добродетелью и не считали ранги и власть чем-то достойным. Поэтому они были способны привносить чистоту в свою эпоху, и их сиятельная слава не померкнет на протяжении десяти тысяч поколений.

Полагаю, мне недолго осталось жить, и вряд ли мы встретимся снова. Вот почему я решил так спешно напутствовать тебя.

Письмо Тоуцзы

178.

Уход от дел

С юных лет Шуйань отличался выдающимися способностями и несокрушимой волей. Он ценил силу и чистоту, никогда не ставил своей целью глупости и излишества, не опускался до ничтожной критики и осуждения. Он был терпимым и открытым, и великие принципы пресуществлялись в его поведении и поступках. Даже в годину невзгод и испытаний его ни разу не видели подавленным.

Шуйань служил настоятелем в восьми монастырях в четырех городах. Где бы он не находился, он неустанно трудился, неся в своем сердце пробуждение.

В 1178 г. он сложил с себя полномочия наставника монастыря Чистой Доброты, что у Западного озера. Он писал:

Шесть лет очишал и пробуждал храмы
в императорской столице;
Черепица и галька превратились
в небесные палаты.

Ныне дворец завершен, и я ухожу;
Со всех сторон дует чистый ветер.

Знать и простой народ пытались уговорить его остаться, но он отказался. Он сел в маленькую лодку и отправился в монастырь Небесной Чистоты, что в уезде Высокой воды. Вскоре он заболел, попрощался с общиной и скончался.

Биография

179.

Бездарное время

Юэтан сказал:

В старину чаньский наставник Байчжан, исполненный великой мудрости, обеспокоившись высокомерием и праздностью монахов в век отступничества, установил особые правила и руководства для того, чтобы воспрепятствовать всему этому. Каждого наделили обязанностями в соответствии с его талантами и способностями.

Сам наставник жил в келье в десять квадратных футов, а все монахи общины жили в одной зале, повинясь строгому распорядку, с десятью старшинами во главе. Община была устроена по образцу государственной власти: наставники совершали основы учения, подчиненные заботились о частностях, прилагая все силы к тому, чтобы высшие и низшие понимали друг друга как тело, повелевающее руками, как рука, повелевающая пальцами. И все неукоснительно следовало установлениям.

Те наши предшественники, кто следовал этой традиции, вдохновлялся ею и неустанно трудился над ее продолжением, могли делать это потому, что величественная сила совершенномудрых прошлого еще не умерла.

Ныне чаньские общины меняются и приходят в упадок. Ученики ценят талант и пренебрегают настойчивостью и упорством в практике, они любят

временщиков и хвастунов и презирают прямых и простых. Днями и месяцами они следуют ложному пути.

Все это может показаться лишь легкомысленным отношением к вещам, но, привыкнув к такому положению дел и таким ценностям, люди уже не представляют, как может быть иначе, и уже не считают противоречие принципам чем-то неправильным или противоестественным.

Ныне наставник робок и боится подчиненных, а подчиненные не спускают глаз с высших и следят за ними. Когда наставник мягок, подчиненные произносят сладкие речи и подхалимствуют, добиваясь его благосклонности, но как только они найдут ошибку, они начнут строить козни и разрабатывать планы его падения. Тех, кто выигрывает, считают мудрыми, а тех, кто проигрывает — глупыми. Вопросы достоинства и подлости уже никто не задается, принципы правильного и неправильного уже никого не интересуют. Тому, что сделал один, будет подражать другой; тому, что сказано внизу, следуют наверху; тому, что совершено прежде, следуют после.

Эти упадок и застой не исправить до тех пор, пока учителя, исполненные великой мудрости, не соберут воедино всю свою волю и не проведут в неустанных трудах сотни лет.

Письмо наставнику Шуню

180. Поливать арбузы в середине дня

Юэтан в течение долгого времени возглавлял монастырь Чистой доброты. Кто-то сказал ему: «В практикуете здесь уже многие годы, но я ни разу не слышал о ком-нибудь из ваших преемников из числа учеников. Разве вы тем самым не вредите вашему учению?»

Юэтан ничего не ответил.

В другой раз этот же человек повторил свой вопрос, и Юэтан сказал: «Слышали ли вы историю об одном человеке, посадившем как-то в стародавние времена арбузы? Он очень любил арбузы, и поливал их все лето в середине дня. В результате арбузы сгнили.

Что это означает? Дело не в том, что его любовь к арбузам была неискренней, но в том, что он поливал их в неподходящее время и тем самым убил их.

Ныне престарелые наставники поддерживают монахов, не обращая внимания на то, исполнены ли они Пути, действительно ли хороши и глубоки их способности. Они хотят лишь помочь ученикам продвинуться, но, если посмотреть на нравственные качества учеников, окажется, что они развращены, а если взглянуть на их слова и поступки — они противоречивы. То, что они называют беспристрастностью и правильностью, на самом деле есть пристрастность и предубежденность.

Разве это не тот случай, когда любовь переходит всякие границы? Это подобно поливанию арбузов в середине дня. Я очень боюсь, что знающие рассмеются надо мной, и потому не делаю этого».

Анналы Северной горы

181. Учитель

Сюэтан сказал:

Как-то астроном Хуан Лучжи сказал: «Чаньский наставник Хуанлун Хуэйнань отличался глубоким умом и великодушием, ни одна вещь и ни один человек не имели на него влияния. За всю свою жизнь он никогда не выказывал притязаний на что-либо. Среди его учеников были такие, кто ни разу не видел его ни радостным, ни разгневанным. Ко всем, даже к слугам и поденщикам, он относился с равной искренностью. Вот почему он мог способствовать процветанию пути Цымина не повышая голос и не изменяясь в лице. Для этого были основания.

Надпись на камне в Хуанлуэ

182. Образец

Юэтан сказал:

В 1129 году, когда Чжун Сян поднял мятеж в Лияне, чаньский наставник Вэньшу Дао оказался в опасности. Силы мятежников быстро увеличивались, все его ученики бежали, но наставник сказал: «Разве можно уберечься от бед?» Наставник затворился в своей келье, где был убит разбойниками.

Ученик-мирянин Угоу написал послесловие к собранию высказываний учителя:

«Любовь к жизни и нелюбовь к смерти — обычные чувства для человеческого существа. Но только совершенные люди в состоянии постичь, что изначально они не рождены. Живя, они не имеют привязанностей. Они знают, что никогда не погибнут, поэтому, умирая, не испытывают страха. Даже времена смерти и рождения не могут поколебать их решимости.

Одним их таких людей был учитель. Светлая добродетель и преданность истине учителя позволили ему не только наставлять общину, но и служить примером для последующих поколений, за что он получил титул Чжэндао, Истинный Поводырь. Он был преемником чаньского наставника Фоцзяня».

*Записи великого наставника
Хуэя из Лушани*

183. Диагноз

Наставник Синьвэнь Фэнь сказал:

Среди монахов немало таких, в ком чань порождает болезнь. Те, у кого болезнь поразила глаза и уши, полагают, что пристальный и свирепый взгляд, благосклонное выслушивание и кивание есть чань. Те, у кого болезнь поразила рот и язык, полагают, что безумные речи и дикий крик есть чань. Те, у кого болезнь поразила руки и ноги, полагают, что ходить туда-сюда и указывать то на запад, то на восток есть чань. Те, у кого болезнь поразила сердца и внутренности, полагают, что постигать истину, изучать возвышенное, выходить за пределы чувств и аффектов и отказываться от пристрастных взглядов есть чань.

На самом деле все это — болезни. Только истинный наставник может ясно различить неуловимые указания и с одного взгляда понять, понимают люди или нет, пробудились они или нет еще в тот самый момент, как те входят на порог.

После чего, с помощью шила и иголки, наставник выводит их из потайных ловушек, обрушивается на их привычки, определяет, правдивы они или нет, причем при этом он прибегает к разным методам и прекрасно осознает, когда следует внести изменения, а когда — идти дальше. В конце концов он приводит их к царству спокойствия, счастья

и свободы от забот и тревог еще прежде, чем уйдет на покой.

Истинные записи

184.

Записи Голубой скалы

Синьвэнь сказал:

Путь, передаваемый без доктрин и догм, предельно прост и глубок. Здесь не может быть никаких споров; наши предшественники осуществляли его без сомнений и неуклонно придерживались его.

В правление династии Сун в годы Тяньси (1012–1022) чаньский наставник Сюэдоу, опираясь на великий дар красноречия и эрудицию, обладая возвышенными и разносторонними взглядами, в поисках новизны и совершенствуя мастерство вслед за наставником Фэньянем сочинял стихи на сюжеты старинных историй, дабы привлечь учеников и направлять их. Его деятельность ознаменовала собой поворот в чаньском учении.

Затем в годы Сюаньхэ (1119–1125) Юаньфу дополнил истории и стихи Сюэдоу собственными мыслями, и отныне собрание получило название «Записи Голубой скалы». В ту пору даже самые совершенные наставники, такие как странствующий Нин, Хуанлун Сысин, Линьюань и Фочзянь ничего не могли возразить ему, так что ученики последующих поколений восхваляли его речи, повторяли их день за днем и заучивали их перед сном, называя это высшим учением. Никто не понимал, что оно было ошибочно, и, к сожалению, медитативные способности учеников пришли в упадок.

В начале годов Шаосин (1131–1163) пробужденный преемник Юаньфу Мяоси отправился на восток Среднего государства и обнаружил, что чаньские ученики с такой самозабвенностью предаются изучению этой книги, что их упорство поистине таило в себе зло. Поэтому он пересмотрел «Записи Голубой скалы» и исследовал ее разъяснения, дабы избавиться от иллюзий и спасти запутавшихся. Заново рассмотрев текст, он пресек излишки и устранил преувеличения, опроверг ложное и вскрыл истинное. Ученики начали постепенно понимать свои ошибки и перестали боготворить сочинение.

Так, если бы не высокое озарение и глубина прозрения Мяоси, в основе которых лежала сила данного им обета сострадания во имя спасения века упадка от болезней и зол, чаньские общины оказались бы в большой беде.

Письмо Чжан Цзышао

185.

Нет ничего предустановленного

Чаньский наставник Чоань сказал главному министру Юй Юньвэню:

Великий Путь чист и открыт — нет никого, кто бы изначально был на Пути глуп или мудр. Ведь в древности и совершенномудрые сперва пахали землю и ловили рыбу, а потом становились советниками императоров — как это можно рассматривать с предустановленных позиций «глупый—мудрый»?

Все, что требуется, — это внутренняя сила.

186.

Обучение наставника

Чоань сказал:

Обучаясь управлению общиной, необходимо опираться на мудрость. Чтобы уничтожить заблуждения и устранить аффекты, прежде всего нужно обладать пониманием. Если отвернешься от понимания и смешаешься с бранным, сознание твое будет замутнено. Когда мудрость и глупость не различаются, в делах наступает хаос.

*Письмо главному управляющему
монастыря*

187.

Преодолевать препятствия, опираясь на разум

Чоань сказал:

Когда Фоцзянь возглавлял общину Великого Мира, Гаоань отвечал в монастыре за прием гостей. Гаоань был молод и горяч и свысока смотрел на всех остальных — редко кто удостоивался его одобрения.

Как-то во время полуденной трапезы Гаоань, созвав монахов, вдруг увидел, как кто-то из слуг ставит перед Фоцзянем еду в особой чаше. Гаоань вышел из зала, громко крикнув при этом: «Если наставник пятисот монахов позволяет себе такое, как он может быть примером для последующих поколений?»

Фоцзянь сделал вид, что ничего не видел и не слышал.

Потом, когда Фоцзянь покинул зал, Гаоань заглянул в чашу и увидел, что в ней — соленые овощи. Оказывается, Фоцзянь страдал болезнью желудка и не мог есть масла, которым обычно приправляли монастырскую еду.

Гаоань устыдился и направился в покои наставника, чтобы попросить об отставке.

Фоцзянь сказал: «Ты все правильно сказал. Просто я болен, и все. Я слышал, что кто-то из совершенномудрых говорил: “Преодолевай препятствия,

опираясь на разум”. Поскольку моя пища не лучше, чем у других, община не высказывает сомнений. Твоя воля и темперамент чисты и всеобъемлющи — когда-нибудь ты станешь краеугольным камнем главного учения. Так что забудь об этом».

Гаоань повсюду следовал за Фоцзянем и впоследствии стал преемником Фояня.

188.

Обучение чиновников

Чоань сказал:

Излагая учение чиновникам, надлежит, во время бесед с ними, устранять интеллектуальное понимание и не давать им цепляться за стереотипы. Необходимо одно — очищать единственно возможный опыт выхода за пределы.

Покойный наставник Мяоси как-то сказал: «Если, встретившись с вельможами, получишь вопрос, ответь на него, в противном же случае воздержись». Так следует поступать каждому; услышав просьбу — окажи помощь, дабы не нанести вред телу живого учения Будды.

Письмо чаньскому настоятелю

189.

Опасность для наставника

Чоань сказал:

Хорошая земля питает тех, кто живет на ней, гуманный правитель хорошо воспитывает народ. Ныне многие наставники не принимают заботы людей в свое сердце, а вместо этого предпочитают следовать собственным желаниям. Они не любят слышать добрые слова, но любят покрывать собственные ошибки, занимаясь неподобающими делами и без толку потворствуя своим прихотям. Когда ничтожные людишки приспособятся к симпатиям и антипатиям наставников, разве путь управления не окажется в опасности?

Письмо старшему монаху

190. Убитый, но не униженный

Чоань сказал Еаню:

Светский наставник с Пурпурной скалы говорил: «Мой прежний учитель Мяоси даже в повседневной жизни во главу угла ставит добродетель, честность и мужество. К нему можно относиться по-дружески, но не отстранить, к нему можно приблизиться, но не подавить, его можно убить, но не унижить. Его жилище лишено убранства, его пища проста. Он взирает на невзгоды жизни и смерти, словно они — ничто. Поистине он олицетворяет собой слова: “Мечу великого кузнеца трудно противостоять”. Единственное, чего стоит опасаться — это удара из-за угла».

В конце концов все вышло так, как и говорил светский наставник.

Анналы Хижины иллюзий

191. Выбор помощников

Чоань сказал:

Наставник Еань понимает настроения человеческих умов, ему ведомы все мысли и чувства общины. Как-то он сказал мне: «Чтобы быть настоящим хозяином, необходимо выбирать в помощники людей решительных и способных к действию. Они подобны гребню для волос, зеркалу для лица — и тогда не спрятать ни благого, ни вредного, ни прекрасного, ни непристойного».

Анналы Хижины иллюзий

192. Поверхностность и глубина

Чоань сказал:

Нынешние ученики поверхностны, они ценят собственные уши и пренебрегают глазами — никто из них так и не сможет измерить глубинной тайны.

Поэтому сказано: «Как бы ни была высока гора, на ней рядами вздымаются утесы и заросли бамбука; как бы ни был глубок океан, в нем есть источники и течения».

Если желаешь постигать Великий Путь, самое главное — постичь его высоты и глубины. И тогда даже самые неведомые тайны станут явью, и ничто не помешает приобщиться к ним.

Письмо старшему монаху

193. Сердце святых и совершенномудрых

Чоань сказал министру кабинета Юю:

Сердце святых и совершенномудрых спокойно и беззаботно, а сознание их чисто. Они безмятежны и отрешены от мирского, но при этом деяния их очевидны.

Что бы они ни делали, они не ждут скорого завершения и готовы упорно добиваться своего. Они не соглашаются на настойчивые требования продвижения, но одобряют стремление приблизиться к Пути. Тот, кто постигнет и заключит в себе самую волю святых и совершенномудрых, будет таким на протяжении тысячи поколений.

Анналы Хижины иллюзий

194.

Взгляд на историю

Министр кабинета Юй сказал:

До основателя чань Бодхидхармы не было чаньских наставников — живого образца учения Будды. Потомков Бодхидхармы, несших Путь Поднебесной, притесняли, но они не уклонялись от своего предназначения; они жили в простых хижинах, едва спасавших от дождя и ветра, и ели пишу, едва удовлетворявшую голод. Испытывая нужду и лишения, они страдали от истощения и усталости; находились те, у кого их лишения вызывали чувство жалости; правители и знатные сановники хотели видеть их у себя при дворе, но получали отказ. Поэтому все, установленное ими, свободно и чисто; оно поражает Небо и потрясает Землю.

Однако последующие поколения были уже не похожи на них. В высоких домах, в просторных залах с богатым убранством и изысканной едой они получали все, чего желали. И тогда зло и порок начали смущать их умы; они гнались за брэнной властью, виляли хвостами в поисках жалости. Доходило до того, что они прибегали к обману и пользовались высоким положением, что равносильно краже золота у всех на виду; они позабыли даже о том, что в мире есть такие вещи, как причина и следствие.

Письма чаньского наставника Мяоси выявили присущие каждому привычки и пристрастия ума, не оставив ничего потайного, подобно легендарному

пруду, позволявшему человеку видеть собственные внутренние органы. Если принять их с искренней верой и осуществить в практике, то какого еще учения Будды искать помимо этого?

Надпись на камне

195.

Возрождение чаньской школы Линьцзи

Министр кабинета Юй сказал Чоаню:

В прежние времена Мяоси возродил путь Линьцзи, когда школа уже склонялась к упадку и гибели; по природе своей он ценил смирение и пустоту. Он никогда не выставял напоказ и не демонстрировал остальным собственное прозрение и понимание; никогда в своей жизни не обращался он к власти предержавшим; ни разу не прельстился он ни выгодой, ни поддержкой.

Однажды Мяоси сказал: «Принимая вещи открыто, можно исполнить мириад дел; но ни одного дела нельзя завершить, если быть надменным и высокомерным. Есть то, что благотворно для времени и полезно для людей, и есть ошибочное и недостойное. Если потворствуешь последнему и высокомерно принимаешь его в себя, потерпишь неудачу». Я воспринял его слова всем сердцем; на всю жизнь они остались уроком для меня.

Записи слуги

196.

Привычки

Чаньский наставник Миань сказал:

Подъем или упадок чаньских общин зависит от их поведения и соблюдения принципов; совершенство или несовершенство учеников идут от обычаев и привычек. Даже если древние жили в гнездах и пещерах, пили из ручьев и ели плоды деревьев, практиковать это в настоящем вряд ли возможно. Даже если ныне люди изысканно одеваются и сладко едят, практиковать это в древние времена было бы невозможно. Разве здесь что-то иное, как не вопрос привычки?

Если люди каждый день и каждую ночь видят что-то, то они считают это обычным и полагают, что абсолютно все в мире должно быть таким же. Когда в один из дней их призывают отказаться от этого и обратиться к чему-либо другому, они не только сомневаются и проявляют недоверие, они, скорее всего, просто не последуют новому.

Если смотреть на вещи с данной точки зрения, то несомненно, что люди чувствуют себя спокойно среди того, к чему они привыкли, и пугаются того, чего никогда не видели. Таково их обычное состояние, чему же тут удивляться?

Письмо советнику Ши

197. Добрые и порочные

Миань сказал:

Мой покойный учитель Иньгань часто повторял: «Добрые и порочные противоположны друг другу — нельзя не различать их. Добрые придерживаются истины, добродетели, гуманности и справедливости. Порочные — рабы власти и выгоды, они добиваются всего лестью и обманом.

Добрые совершенствуют свою волю и всегда осуществляют то, что они постигают. Порочные, занимая должности, потакают себялюбивым побуждениям; они ревнивы к умным и завидуют способным; они следуют собственным желаниям и стремятся к богатству и благам, и невозможно сказать, как далеко они зайдут.

Поэтому, когда в общине хорошие люди, она процветает; а когда используются порочные, община приходит в упадок. Если в общине есть хотя бы один порочный человек, мир и спокойствие никогда не воцарятся в ней».

Письмо учителю

198. Три «не»

Миань сказал:

В деле управления есть три «не»: если дел, которые необходимо сделать, слишком много, не бойся; когда дел нет, не проявляй поспешности; никогда не говори о мнениях насчет правильного и неправильного.

Наставник, преуспевший в этих трех, не попадет в плен к внешним объектам и не будет введен ими в заблуждение.

Записи слуги

199. Волки в овечьей шкуре

Миань сказал:

Если община знает, что те или иные монахи плохо ведут себя в повседневной жизни и совершали недостойные поступки в прошлом, причин для беспокойства нет; но если тех, кто внутри порочен, люди называют мудрецами, то это действительно повод задуматься.

Письмо

200. Всеобъемлющее зерцало истины

Миань сказал Шуйаню:

Если люди поносят тебя, смиренно прими их слова. Не следует пренебрежительно относиться к словам других и потом произвольно выдвигать узкие мнения. Чаше всего приспособленцы и льстецы объединяются в клики, а извращенный ум прибегает к самым разным методам: носящие в своем сердце предрассудки любят проповедовать свои личные взгляды, а ревнивые и завистливые отрицают совместные обсуждения и согласие.

В целом, намерения этих людей узки и ограничены, их видение неотчетливо и смутно и не простирается далеко; они считают выдающимся тех, кто цепляется за свое, и необычными тех, кто не любит открытые споры.

Однако, если уверен в правильности того, что делаешь, а также в том, что тебя поносят несправедливо, то по прошествии долгого времени это выяснится само собой; не следует особо говорить об этом, настаивать на собственной правоте и оскорблять людей.

Письмо

201. Выбор людей

Наставник Цзыдэ Хуэй сказал:

Если люди искренни и их ведут в правильном направлении, их можно использовать даже если они глупы. Если же они лстецы, вынашивающие скрытые планы, они в высшей степени вредны, даже если они остроумны.

Вообще, если люди поражены пороками, они недостойны быть принятыми на службу и управлять другими, даже если они обладают талантами и способностями.

Письмо наставнику Цзяньтану

202. Утрата порядка

Цзыдэ сказал:

Исполненный великой мудрости чаньский наставник Байчжан Хуайхай (720–814, один из основателей системы чаньских общин) установил чистые правила специально для того, чтобы в век духовного разложения спасти монахов от развращенности, в которой они оказались. С тех пор мудрецы следовали им, применяли их и со всей искренностью осуществляли на практике. Было учение, был порядок, была преемственность.

В конце годов Шаосин (ок. 1160) в общинах еще сохранялись зрелые люди, хранившие традиционные установления и не отступавшие от них ни на мгновение. Ныне порядок в школе утерян, а общины погрязли в распушенности и непоследовательности.

Поэтому сказано: «Приподними одну сеть, и мириад глаз раскроются; пренебреги одной возможностью, и мириад дел разрушатся». Это как раз относится к тому случаю, когда порядок отсутствует, и общины пришли в упадок.

Древние охватывали основное, благодаря чему ветви учения были прямыми. То, что в учении не соблюдается мера, их тревожило гораздо больше, чем то, что ученики не смогут продвинуться в учении так же далеко, как они сами.

То, что они считали правильным, было правильным в своей беспристрастности, но ныне многие

наставники смешивают беспристрастность с пристрастностью, пытаясь тем самым с помощью ветвей управлять корнями. Верхи любят богатство и не практикуют Путь, а низы жаждут получить богатство и не практикуют долг. Когда верхи и низы в замешательстве и хаосе, хозяин и гость не знают своего места, как можно ожидать, что носящие локутную одежду повернутся лицом к истине и что общины будут процветать?

Письмо министру Юю

203.

Проведение различий

Цзыдэ сказал:

Необработанная яшма ничем не отличается от черепицы или камня; пока даже хороший скакун не объезжен, он ничем не отличается от дохлых кляч. Обработав и отшлифовав, объездив и проверив их в деле, яшму и камень, скакуна и клячу можно отличить друг от друга.

Ныне монахи, обладающие мудростью и добродетелью, не используются, они затерялись в толпе. Как же их можно распознать?

Необходимо, чтобы в высшей степени проникательные люди были избраны со всеобщего согласия, чтобы им доверяли дела, проверяли на обладание талантами и способностями и судили по исполнению ими реальных дел. Тогда они докажут, что на самом деле отличаются от посредственностей.

Письмо Хоаню

204. Избрание будд

Наставник Хоань Ди сперва учился у Сыань Юань Будая в монастыре Хугосы, что на знаменитой священной горе Тяньтайшань. Во время своей речи в главном зале Сыань процитировал стихи мирянина Пана об «Избрании будд». Дойдя до строчки «Вот место для избрания будд», Сыань вдруг издал громкий крик. В это мгновение Хоань обрел пробуждение.

Пробудившись, он составил такие стихи:

Там, где оценочные суждения достигают апогея,
возникает субъект;

В конце пути вступаешь в зал испытаний.

Подними кончик волоса — дождь и ветер быстры

В этот раз не суждено устроить званый пир.

После этого он затворился на горе Тяньтай. Помощник главного министра господин Цянь восхищался Хоанем и настаивал на том, чтобы он откликнулся на нужды Поднебесной и стал наставником в одном из монастырей. Услышав об этом, Хоань сказал: «Я не могу развешивать туши баранов и продавать плоть собак». После чего растворился в ночи.

205. Признание

В начале годов Цзяньдао (1165–1174) Сятан был постоянным учителем в одном из монастырей. Как-то на портрете Юаньтуна он увидел хвалебные стихи, принадлежавшие Хоаню:

Не замыкаясь на глубинном,
он пробуждает и чувствующих существ.

Бросил взгляд на него, присмотрелся —
и слепнут глаза.

Столичный пейзаж на все времена —
Кто это ошупью идет по городской стене?

Сятан был поражен и восхищен. Он сказал: «Я и не думал, что у Сыаня есть такие преемники». Потом Сятан начал повсюду искать Хоаня и, наконец, нашел его в Цзянсине. Он пригласил именно Хоаня занять место первого в собрании.

Анналы Тяньтая

206.

Выполнение условий

В начале годов Цзяньдао Хоань отправился к Холму Тигра, чтобы встретиться с Сятаном. Монахи и простой люд столичной области, прослышав о его возвышенных манерах, стали уговаривать обоих наставников отправиться в столицу области, где бы Хоань мог занять пост наставника монастыря Цзяобао.

Узнав об этом, Хоань сказал: «Мой покойный учитель Сыань говорил мне: “Когда-нибудь, на пороге старости, останься”. Теперь, видимо, слова его исполнились». И он с радостью откликнулся на просьбу остаться. Оказалось так, что прежде храм Цзяобао назывался Лаошоуань, «Обитель старости».

Анналы Холма Тигра

207.

Импровизированная беседа

После того, как Хоань остался в храме Цзяобао, настоятель попросил его выступить с импровизированной беседой.

Он сказал: «Путь постоянен и неизменен; вещи приходят в упадок и изменяются. В старые времена великие чаньские наставники учились на уроках древности, тщательно выбирая, что подходит для новых времен, а что — нет; они придерживались срединного пути, неустанно трудились, дабы объединить сердца людей; пробуждение вело их. Вот почему их простые манеры, холодные, словно лед, не позабыты вплоть до сего дня.

Что касается школы чань, то даже обретение понимания еще до того, как что-то сказано, вредит образу нашего учения, и даже ясное различие после одной только сказанной фразы погрывает пробужденных.

Но при всем при этом “когда иду, я достигаю конца вод; когда сижу, вижу, как поднимаются облака”».

И тогда монахи, монахини и простой люд возликовали, услышав то, чего никогда не слышали прежде, и люди всего города нашли в нем свое прибежище.

208. Управлять дикими лисицами

Однажды Хоань выступал с проповедью; толпы знатных людей и простого люда пришли, чтобы найти прибежище в нем. Монах сообщил об этом на Холме Тигра, и Сятан сказал: «Этот горный дикарь использует чань слепца, чтобы управлять сворой духов диких лисиц».

Узнав об этом, Хоань ответил стихотворением:

Можно не любить горного дикаря;
Играючи ведя за собой людей, направляя общину,
Разрывая условности, держа в руках метлу,
палкой вниз,
Чань слепца управляет монахами —
дикими лисицами.

Сятан просто рассмеялся.

Записи услышанного

209. Равновесие

Хоань сказал государственному министру Цэн Таю:

Самое главное в постижении Пути можно уподобить камням, которые используют для взвешивания вещей: просто приведи две чаши в равновесие, и все — если какая-то из сторон перевешивает другую, успеха не добиться. Убежать вперед или тащиться позади — одно и то же проявление половинчатости. Поняв это, можно постигать Путь.

Письмо

210.

Талант и способности

Чаньский наставник Сятан Юань сказал Хоаню:

Талант и способности людей велики или малы от природы; им нельзя научиться. Маленьким листом бумаги не обернуть большого предмета; с короткой веревкой не достать воды из глубокого колодца. Ночью сова может поймать вошь и разглядеть в волос, но восходящее солнце так сильно раздражает ее глаза, что она не в состоянии увидеть даже холм. Таким образом, распределение талантов и способностей предустановлено.

Анналы Холма Тигра

211.

Момент истины

Чаньский наставник Цзяньтан Цзи в течение двадцати лет жил на горе Гуань в Фаньяне. Он варил себе похлебку из диких трав и проса и полностью очистил сознание от стремлений к славе и успеху.

Однажды, спустившись с горы, он услышал на дороге плач. Исполнившись сострадания, он пошел узнать в чем дело. Оказалось, там была целая семья, все продрогшие от холода и больные. Двое членов семьи уже умерли, но семья была такой бедной, что не могла даже похоронить тела усопших.

Цзяньтан специально отправился в город, для того чтобы купить гробы.

Всех глубоко тронул его поступок.

Министр господин Ли сказал своим сановникам: «Старый Цзи из наших мест вдохновлен Путем; он дарит не только материальные вещи, но и доброту. Как можно позволить ему продолжать оставаться на горе Гуань?»

В это время военный инспектор Ван, совершавший объезд нескольких главных дорог, доложил о случившемся в Цзюцзян, и начальник уезда господин Линь Шуда специально освободил место наставника в Юаньтуне и пригласил на него Цзяньтана.

Узнав об изданном приказе, Цзяньтан сказал: «Мой Путь приносит плоды». Он взял свой посох и с радостью отправился туда. Излагая учение, он говорил: «Юаньтун не открывает лавку свежих лекарственных трав — каждому я просто продам голову мертвого kota. Я не знаю

такого, кто бы не думал и не считал — как попробуешь, так все тело покроешь холодным потом».

Монахи и миряне, услышав такое, поразились и сочли его слова в высшей степени необычными. С тех пор этот центр учения процветает.

Записи Ленивого отшельника

212. Разделять с остальными

Цзяньтан сказал:

Когда в прошлые времена люди занимались самосовершенствованием и исправляли свои сердца, они разделяли Путь с остальными. Когда они предпринимали усилия и исполняли дела, они разделяли достижения с остальными. Когда Путь осуществлялся, а достижения проявлялись, они разделяли славу с остальными. Поэтому на Пути не было ничего неясного, в достижениях не было ничего незавершенного, в славе не было ничего недостойного.

Нынешние люди не похожи на них. Они в высшей степени озабочены своими делами и беспокоятся только о том, что другие опередят и превзойдут их. Они не в состоянии следовать добру и трудиться ради правильного, ибо превозносят самих себя. Они сами стремятся всего достичь и не хотят, чтобы другие тоже чего-то достигли.

Они не могут доверять мудрым и следовать за способными, ибо возвеличивают себя. Они озабочены исключительно собственной славой и не делят ее с другими. Они не могут вести за собой людей скромностью и смирением, ибо считают себя удачливыми.

Вот почему Пути не избежать мрака, их достижениям не избежать потери, их славе не избежать бесчестья. В этом — главное отличие между учениками прошлых и нынешних времен.

213. Рост

Цзяньтан сказал:

Постижение Пути подобно выращиванию дерева — если срубить его как только на нем появятся ветви, оно согдится в качестве хвороста; если срубить его, когда оно вот-вот расцветет, из него можно сделать плот; если еще подождать, когда оно станет чуть сильнее, из него можно сделать балки; если же срубить дерево, когда оно станет огромным и старым, оно согдится на столбы.

Разве в ожидании приобретений дело обстоит не так же — чем дольше ждешь, тем больше выгода?

Вот почему в прошлом люди заботились о том, чтобы их Путь был надежным и широким, а не узким, чтобы их решимость и воля были далеко идущими и глубокими, а не недалекими, чтобы их слова были возвышенными, а не грубыми.

Хотя и они сталкивались с противодействием времени и проходили через лишения, голод и холод, погибали в горах и долинах, сила завещанного ими наследия столь велика, что пронзит сотни и тысячи лет, и люди последующих поколений будут передавать его как закон учения.

Если бы в прошлом они были узки на своем Пути, пристрастны в признании людей, искали бы удовлетворения сиюминутным амбициям, произносили бы рабские слова, служили бы власть предержащим, выгода их закончилась бы простой прижизненной

славой. Какое бы наследие оставили они тогда
грядущим поколениям?

Письмо главному министру Ли

214. Наследник древних

Господин У, императорский чиновник, сказал Цзяньтану:

В горах и долинах древние смиряли свои сердца и уничтожали свою гордыню, они пили воду из ручьев и питались плодами деревьев, как и подобает тем, кто не вынашивает мыслей ни об успехе, ни о славе. И, тем не менее, наступало время, когда их призывали ко двору императоры.

Они прятали свет и скрывали свои следы, работая на мельницах и исполняя другую черную работу. С самого начала они не думали ни о славе, ни о достижениях, но в конце занимали свое место в рядах передающих светильник.

Вот почему Путь, обретенный без намерения, велик, а добродетель — безгранична; если же вынашиваются амбиции, слава постыдна, а устремления — неглубоки.

Но ваши взвешенность и способности тверды и всеобъемлющи, вы идете дорогой древних. Поэтому вы смогли прожить семнадцать лет на горе Гуань и стать в конце концов подлинным сосудом истины.

Нынешним монахам не на чем сконцентрироваться внутри себя, а вовне они предаются сбивающим с толку ужимкам. Они почти лишены

проницательности и не чувствуют великого тела. Поэтому они не в состоянии следовать духовному учению и бесконечно далеки от вас.

Воспоминания слуги Гао

215.

Обычное состояние человеческих существ

Цзяньтан сказал:

Обычное состояние человеческих существ таково, что лишь немногие способны избавиться от иллюзий. Как правило, они окутаны своими предрассудками, заслонены своими сомнениями, они погружены в пучину влечения и отвращения.

Поскольку вера поколеблена, слыша речи, люди не думают об истине, пока не услышат о том, что избыточное — это как раз то, что нужно. Когда сомнения достигают высшей степени, люди не слушают слов, даже если слова истинны, пока не услышат то, что ложно.

Когда люди не уважают других, они не видят и своих собственных достоинств. Когда людям что-то нравится, они будут собираться вокруг тех, кого следовало бы покинуть. Все это — путь повторства своим чувствам и непонимания причин, постепенного забывания Пути пробужденных, утраты сердца общины.

Ведь то, к чему обычные чувства относятся легко, мудрецы воспринимают серьезно. Кто-то из древних говорил: «Составляющие планы насчет того, что впереди, в первую очередь проверяют то, что под рукой. Стремящиеся к великому должны быть внимательными к малому».

Это дело широкого кругозора и заботливого использования, а отнюдь не восхищения высоким и любви к необычному.

Письмо к господину У

216.

Чаньский наставник

Цзяньтан был чист, безмятежен и уравновешен. Он приобретал людей добротой и человеколюбием. Если ученики совершали незначительные ошибки, он оберегал их и заботился о них, дабы они могли совершенствовать добродетель. Однажды он сказал об этом так: «Кто не имеет ошибок? Мудрость заключается в том, чтобы исправить их».

Когда Цзяньтан жил на горе Гуань в Фаньяне, как-то раз на исходе зимы дождь со снегом без устали сменяли друг друга много дней; у наставника кончилась еда, но он вел себя так, словно и не подозревал об этом. Он сложил такое стихотворение:

В очаге погас огонь, сумка опустела,
Падает снег, словно цветы абрикоса в конце года.
Кутаюсь в одежду из лоскутов,
жгу остатки хвороста,
Не чувствую тела в безмолвной тишине.
Каждый день сам собою следуя Пути
И не гонюсь ни за почестями, ни за славой.

В тот день, когда он откликнулся на просьбу стать учителем в монастыре Юаньтун на священной горе Лу, он появился с посохом в руках, обутый в соломенные сандалии. Каждый, кто смотрел на него, чувствовал обновление и облегчение. Увидев наставника, господин Линь Шуда, губернатор области Девяти рек, сказал: «Вот истинный мост к учению Будды».

С тех пор имя его почитали во всех частях света. В его поведении и поступках проявлялись добродетели наставников прошлого. Когда он умер, от горя роняли слезы даже монастырские слуги и поденщики.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.....	5
УРОКИ ДЗЭН. Искусство управления	17
1. Просветленная добродетель	19
2. Учение и знание	20
3. Большое и малое зло	21
4. Честность	22
5. Сосуд пробуждения.....	24
6. Скромность	25
7. Правила	26
8. Беспокойство и несчастье	27
9. Стремительная птица	28
10. Труд и Путь.....	29
11. Жара и холод	30
12. Спокойствие и опасность	31
13. Три главных принципа руководства	33
14. Несовместимость.....	34
15. Управление и община.....	36
16. Флигель, выкрашенный в ярко-красный цвет ..	38
17. Управляя сознанием.....	39
18. Недоверие	40
19. Прибежище покинувших мир	41
20. Последователи чань	42
21. Чаньские общины.....	43
22. Распознавать людей.....	44
23. Добродетель и великодушие	46
24. Совершенство в обоих мирах.....	48
25. Непостижимый Будда.....	49

26. Величественный свет.....	50
27. Принципы руководства	51
28. Беспокойство	52
29. Указывающий на себя.....	54
30. Пораженчество	55
31. Слова и поступки	56
32. Видеть сквозь.....	58
33. Учиться, не отворачиваясь от людей	59
34. Действовать слишком рано.....	60
35. Продолжать образование	61
36. Решения	62
37. Кого выбрать?	63
38. Учение	64
39. Совершенномудрые и обычные люди	65
40. Пребывание в мире без страданий.....	66
41. Единение сердец	67
42. Расширяя Путь.....	70
43. Без обмана.....	71
44. Старший наставник.....	72
45. Испытание	73
46. Дальше и дальше	74
47. Воля	75
48. Сыпать грязь на гору	76
49. Утрата чистоты	77
50. Сознание и следы	78
51. Не торопись	79
52. Зов долга	80
53. Лицемерие	81
54. Подлинная забота	82
55. Красивое одеяние.....	83
56. Совет правителю	84
57. Справедливость.....	85

58. Адаптация.....	86
59. Выбор друзей.....	87
60. Узнавать людей.....	88
61. Насекомые.....	89
62. Величие духа.....	90
63. Искренняя любовь к учению.....	91
64. Время.....	92
65. Слишком поздно.....	93
66. Возвращаясь к основам.....	94
67. Постепенное развитие	95
68. Ограниченность и потакание желаниям.....	96
69. Выгода и утрата	97
70. Обманывая себя.....	98
71. Осторожность	99
72. Хорошее управление	101
73. Два ветра	103
74. Очевидное и неизвестное.....	105
75. Вне досягаемости стрел	107
76. Готовность	108
77. Неподражаемый учитель.....	109
78. Проверяй себя	110
79. Сохранение и развитие	111
80. Искренность и правдивость.....	112
81. Исправлять ошибки.....	114
82. Феникс и волк	115
83. Как завоевывать людей	116
84. Сознание общины.....	117
85. Наставничество и гордыня	118
86. Начало и конец.....	119
87. Прецедент	120
88. Выбор преемника	121
89. Наилучшие люди.....	122

90. Сознание и внешние объекты	123
91. Бережливость	124
92. Глубокие и недалекие	125
93. Прочный мир	126
94. Поведение	128
95. Дух древних	129
96. Продуманное действие	130
97. Культура	131
98. Правила	132
99. Слова	134
100. Познай себя	135
101. Признание учителя	136
102. Равновесие	137
103. Привычки	138
104. Наследие расточительности	139
105. Состояние общины	140
106. Что ты делаешь?	142
107. Личный пример	143
108. Дом отшельника	144
109. Образование	145
110. Великое учение	147
111. Ожидания	148
112. Нечего стыдиться	149
113. Недоступно пониманию монахов	150
114. Признаки хорошего управления	151
115. Незаметное разрушение	152
116. Железный Фацэ Бин	153
117. Внутреннее мастерство, внешняя прямота ...	154
118. Обладающий пониманием	155
119. Размышление	156
120. Носящий лохмотное одеяние	157
121. Энергия и воля	158

122. Преследование	159
123. Человеческие фигуры	160
124. Свободная жизнь	161
125. Богатый и знатный	163
126. Знающие и незнающие	164
127. Я и другие	165
128. Не выдвигать вперед	166
129. Кратчайшее расстояние	167
130. Искренность и надежность	168
131. Материальное и Путь	169
132. Беспристрастие	170
133. Природа	171
134. Чувства	172
135. Распознавание чувств	173
136. Естественный выбор	175
137. Препятствовать клевете	177
138. Объективность	178
139. Путь от сердца к сердцу	179
140. Управление	180
141. Середина	181
142. Спокойствие посреди несчастий	182
143. Кого выбрать?	183
144. Беспристрастность	184
145. Пример	185
146. Претенденты	187
147. Здравый смысл	188
148. Ошибочное восприятие	189
149. Анналы	190
150. Качества претендентов	192
151. Разделение обязанностей	193
152. Изгнание наставника	194
153. Критика	196

154. Безопасность общины	197
155. Процветание общины.....	198
156. Несчастья	199
157. Загадки	200
158. Вельможи и чаньские наставники	202
159. Упоение властью	203
160. История чань	204
161. Плохие привычки	206
162. Ложное учение	207
163. Дары учения	209
164. Чаньский наставник	210
165. Царство Будды в этой жизни	211
166. Неопрятная одежда.....	212
167. Дырявые лодки	213
168. Личная ответственность	214
169. Одинаковая одежда.....	215
170. Дисциплина понимания.....	216
171. Четыре конечности наставника	217
172. Размышлять о несчастьях.....	219
173. Кратчайший путь	220
174. Пресекать в зародыше	221
175. Тысяча дней усилий	222
176. Отстраненность	224
177. Пробуждать людей.....	225
178. Уход от дел	227
179. Бездарное время	228
180. Поливать арбузы в середине дня.....	230
181. Учитель	232
182. Образец.....	233
183. Диагноз.....	234
184. Записи Голубой скалы	236
185. Нет ничего предустановленного.....	238

186. Обучение наставника.....	239
187. Преодолевать препятствия, опираясь на разум.....	240
188. Обучение чиновников.....	242
189. Опасность для наставника.....	243
190. Убитый, но не униженный.....	244
191. Выбор помощников	245
192. Поверхностность и глубина	246
193. Сердце святых и совершенномудрых.....	247
194. Взгляд на историю.....	248
195. Возрождение чаньской школы Линьцзи.....	250
196. Привычки.....	251
197. Добрые и порочные	252
198. Три «не»	253
199. Волки в овечьей шкуре.....	254
200. Всеобъемлющее зеркало истины	255
201. Выбор людей.....	256
202. Утрата порядка.....	257
203. Проведение различий	259
204. Избрание будд.....	260
205. Признание	261
206. Выполнение условий	262
207. Импровизированная беседа	263
208. Управлять дикими лисицами	264
209. Равновесие	265
210. Талант и способности	266
211. Момент истины	267
212. Разделять с остальными	269
213. Рост.....	271
214. Наследник древних	273
215. Обычное состояние человеческих существ ..	275
216. Чаньский наставник	277

В настоящем издании мы представляем перевод на русский язык антологии бесед чаньских наставников эпохи Сун (960 — 1279). В это время влияние чань на поэзию, живопись и каллиграфию достигает своего апогея, а эстеты, интеллектуалы и просто творческие личности из китайской элиты начинают стимулировать порывы своего вдохновения чаньской медитацией; практиковать ее даже модно. Именно об этой популярности чань при династии Сун, о его творчесоком потенциале свидетельствуют тексты, представленные в данной книге

www.eurasiabooks.ru

www.inwardpath.ru

ISBN 978-5-91852-041-3

9 785918 520413